

От автора романа
«Парадокс Севера»

48 МИНУТ

Осколки

Виктория Побединская

Виктория Побединская

48 минут. Осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69029113

SelfPub; 2023

Аннотация

ДИЛОГИЯ. Первая часть. Что, если однажды ты очнешься в поезде, не зная, куда он направляется? Не помня ничего, даже собственного имени... Все, что осталось у Виолы от прежней жизни, – кольцо на пальце и странная связь с тремя незнакомцами, которым, как и ей, стерли воспоминания. Шон – идеальный защитник. Арти – душа компании. И Ник – выскочка, который не вписывается ни в одни рамки. У каждого за спиной свои тайны, за которые можно поплатиться жизнью. Но лишь они прольют свет на то, кто в этой истории охотник, любовник, предатель и жертва.

Содержание

Часть 1. Осколки	4
Осколок 1. Виола	4
Осколок 2. Знакомство	26
Осколок 3. Фотография	43
Осколок 4. Омела	58
Осколок 5. Поцелуй: версия 2.0	81
Осколок 6. Жетон	101
Осколок 7. Библиотека	124
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Виктория Побединская

48 минут. Осколки

Часть 1. Осколки

Осколок 1. Виола

Яркий свет и нестерпимая головная боль. Странный монотонный гул. Где я? Пол подо мной мерно раскачивается, и я, пытаясь подняться, упираюсь ладонями в ледяной металл. Белая краска слезла, и сквозь нее просвечивают серые проплешины.

Почему я лежу на полу? Осторожно перевожу взгляд, осматривая место, но не узнаю его. Два ряда кресел справа и слева. За широкими овальными окнами проносится незнакомая, укрытая снегом местность. Поезд? Мимо проталкиваются подростки с дорожными сумками и массивными рюкзаками на плечах. В руках у них гитары, ребята непрерывно болтают и громко смеются. Я хватаюсь за голову, крепко зажмуривая глаза. Кто я? И почему не помню, как сюда попала?

Сердце вырывается из груди. Паника накатывает лавиной, от которой не сбежать, и я прерывисто вдыхаю, пытаюсь

успокоиться.

– С вами все в порядке, мисс?

Резко вскидываю голову. Чуть наклонившись, пожилой мужчина в длинном бежевом плаще и такого же цвета шляпе встревоженно протягивает руку.

– Все... в порядке... – повторяю я за незнакомцем, вздрагивая и испуганно осознавая, что не помню, как звучит собственный голос. Выходит тихий хрип, будто кто-то расцарапал горло. Я откашливаюсь и пробую ответить снова: – Все в порядке, я просто... я не знаю...

– Вам плохо? Может, позвать кого-то на помощь? Вы едете одна?

Слишком много вопросов! Я сжимаю руками голову. Боль пульсирует, посылая разряды раскаленного электричества сквозь каждую клетку тела, и я снова зажмуриваюсь. Почему я не помню даже собственного имени? Разве можно такое объяснить? Никто не поверит, что я не сумасшедшая!

– Мисс... мисс? Может, нужен врач?

Я отрицательно мотаю головой. Воздуха не хватает. Стены давят. Опираясь на руки, пытаюсь подняться, несмотря на слабость и покалывание в ногах.

– Виола! – кричит кто-то с другого конца вагона. – Виола, подожди!

Я инстинктивно поворачиваюсь на голос. Невысокая полноватая женщина с тугими кудрями подбегает ко мне, подхватывая под руку.

– Ты упала?

Она поднимает меня за локоть. И тут же, не дожидаясь ответа, начинает говорить:

– Это все давление. Я ведь предупреждала. Зачем ты убежала одна, девочка? Мы же собирались прогуляться вместе, но только я отвернулась, тебя уже и след простыл.

Она продолжает без умолку тараторить, и по тому, как коверкает согласные, я отчетливо различаю северо-восточный диалект, очень редко встречающийся в нынешнее время. На секунду задаюсь вопросом, почему я могу перечислить все виды английских диалектов, но не знаю, кто я и где. Из всей бесполезной болтовни умудряюсь уловить лишь одну полезную вещь: меня зовут Виола.

– От этой погоды у меня опять ужаснейшая мигрень, – жалуется женщина, крепко держа меня под руку, пока мы идем по вагонам. – Поможет только крепкий чай. Только не Эрл Грей, потому что в тот раз...

Но я не слушаю. Все еще дрожа, рассматриваю пассажиров, пытаюсь зацепиться хоть за какую-нибудь знакомую деталь, но ни один из проходящих мимо людей мне не известен. Блондины, брюнетки, высокие, полные и худые, кто-то из них может знать меня?

– Ты уронила, – произносит ласково женщина, вручая мне черную сумку на тонком ремешке. Я забираю ее, надеясь, что внутри окажутся документы, кошелек или водительское удостоверение. Она продолжает цепляться за мою руку, слов-

но мы знакомы давным-давно. Сначала я решаю, что, может, она моя родственница, но с ее слов понимаю, мы всего лишь попутчики. Только кто «мы»?

Я разглядываю себя и отмечаю, на мне дорогая одежда. На запястье золотые часы, которые совсем не выглядят подделкой. Кожаные ботинки, как и темно-синие джинсы, явно куплены не на распродаже в сетевом универмаге. И тут понимаю, что даже не знаю, как выгляжу. Нужно срочно найти зеркало. Туалет. В туалете оно точно есть.

Я вытираю потные руки о брюки, оглядываясь и все еще надеясь, что увижу знакомое лицо.

Мы проходим через раздвигающиеся двери вагона, и в самом конце я замечаю табличку со значком уборной.

– Мне нужно в туалет, – прочистив горло, выдавливаю я, освобождаясь от цепкой хватки попутчицы.

– Хорошо, милая, я подожду тебя здесь.

Киваю. Женщина присаживается на диванчик неподалеку. По громкой связи объявляют, что через двадцать минут поезд прибывает на станцию. Я подхожу к кабинке и дергаю дверь. Заперта!

Сесть негде, поэтому опираюсь спиной на окно и судорожно открываю сумку. Какие-то чеки на лекарства, список покупок из супермаркета. Между блокнотом в кожаном переплете и косметичкой зажат кошелек из мягкой, слегка шершавой кожи. Я роюсь в сумочке: пара мелких купюр, пластиковые карты, университетский пропуск и, наконец, або-

немент в библиотеку. Стандартный набор любой студентки.

Кто-то толкает меня, и я едва не роняю все из рук. Мимо проносится мальчишка, голая на весь вагон, следом за ним гонится девочка помладше. Я бросаю в их сторону гневный взгляд, потому что пронзительный визг только усиливает не прекращающуюся ни на минуту мигрень.

Запахав все обратно, закрываю кошелек и на дне сумки нашупываю студенческую карту.

– Виола Элизабет Максфилд, – читаю я свое имя. Впервые. Мне двадцать один год. Мой день рождения пятого ноября.

Я изучаю фотографию, запечатанную штампом. Моя ли она? Скорее всего, да, но осознание того, что я не знаю, как выгляжу, и мои ли это документы, врывается в голову вихрем вопросов, принося новую порцию боли. Я закрываю глаза, пытаюсь справиться с подступающей паникой. Опираюсь рукой на туалетную створку и делаю несколько глубоких вдохов.

Внезапно дверь уборной открывается, и я вваливаюсь внутрь, потеряв равновесие. Чьи-то руки ловят меня прежде, чем успеваю растянуться на мокром грязном полу. Внутри отвратительно пахнет, и я, поморщившись, отворачиваюсь, но цепкие пальцы продолжают крепко меня удерживать.

– Неужели нельзя смотреть под ноги? – цедит незнакомец сквозь зубы.

Он явно не в настроении.

Я поднимаю взгляд. Никогда не видела таких необычных глаз, лукаво притягательных и пугающих одновременно. Словно кто-то бросил тлеющий уголь в лед. Даже в тусклом свете туалетной лампы я могу разглядеть, как резко голубой цвет контрастирует с темным ободком радужки и черными волосами, неравномерными прядями спадающими на лицо.

Встаю, пытаюсь сделать шаг внутрь, но дверь в уборную настолько узкая, что двоим взрослым людям не удастся никак развернуться. Он не может выйти, а я не могу войти.

– Может, выпустишь сначала? – небрежно бросает парень.

И в этот момент я замечаю, что в его нижней губе, слева и справа, поблескивают серебряные кольца. Поджав губы, останавливаю взгляд на стоптанных ботинках с небрежно обмотанными вокруг щиколоток шнурками и потертых джинсах. Как у бродяги.

Незнакомец сжимает мои предплечья, пытаюсь меня переставить, но я сбрасываю его руки и проговариваю по слогам:

– Не прикасайся.

А потом отталкиваю от себя, желая поскорее отделаться. Кажется, он мечтает о том же. Разглядывает пару секунд, а затем проталкивается через дверь, намеренно задев по пути.

– Эй, аккуратнее! – вырывается невольно.

Парень, не оборачиваясь, бросает:

– Таким, как ты, следует летать самолетом.

Наивно было полагать, что «такой, как он» промолчит, но выяснять отношения у меня нет времени. Я закрываю дверь,

прислоняюсь к ней спиной, медленно вдыхаю еще раз, по-морщившись от царящего внутри запаха, и вглядываюсь в собственное отражение – отражение Виолы Максфилд.

Рыжая. Еще и в веснушках. Не просто парочка на носу, как у героинь мультфильмов, их так много, как звезд в галактике. Я пялюсь на незнакомую пару глаз, растерянно глядящих из-под накрашенных ресниц. Дотрагиваюсь до своих волос, пропуская их сквозь пальцы, словно тонкие медные нити. Девушка в отражении делает тоже самое.

– Вот же мы с тобой попали, – шепчу я, соединяя в одно целое незнакомый голос с таким же незнакомым лицом.

Рыжая смотрит в ответ испуганно.

Чем дольше я разглядываю ее – себя, тем сильнее сковывает внутри липкий, скользкий страх. Я не знаю, что делать дальше. Где искать помощь? И кто мне, вообще, поверит? Лихорадочно перебираю в уме варианты, что могло произойти, но ничего действительно разумного не нахожу. Я упала и ударилась головой? Но ни в волосах, ни на лице нет ссадин или следов крови. Приняла какой-то наркотик? А могла ли? Сомневаюсь. Не знаю, какой была та Виола, что, широко распахнув глаза, глядит на меня из зеркала, но я бы никогда не стала глотать запрещенные препараты.

Смотрю на свое отражение несколько минут, задумавшись, пока не подскакиваю от гулких ударов, разносящихся металлическим дребезжанием по кабинке. Кто-то требовательно барабанит кулаком по двери, и я открываю защелку.

– Виола, – моя незнакомая-знакомая заглядывает внутрь, – я уже боялась, что с тобой что-то случилось. Вдруг опять стало плохо.

Женщина обнимает меня за плечи, и я не сопротивляюсь. Удивляюсь своей покорности, но рядом с кем-то, кому небезразлична, чувствую себя спокойнее.

Она ведет меня куда-то, рассказывая о том, как в поездах ее обычно укачивает. Я чувствую аромат лекарств – травяной и немного горький, по-больничному неприятный, но зато прекрасно перебивающий запах общественной уборной. Уже за это он мне нравится.

Женщина – а ведь я до сих пор не знаю ее имени – шагает вперед, не глядя по сторонам.

– Пришли, – вдруг говорит она, остановившись, и, подняв с кресла сумку, принимается запихивать ее наверх. Я осматриваюсь. Свободных мест три. На столе между сиденьями – стаканчик из Старбакс с именем Мария. Видимо так эту женщину зовут. У стенки парень с русыми, коротко стриженными волосами, глубоко задумавшись, смотрит в окно. Я сажусь напротив, но только успеваю поднять глаза, как натываюсь на недоуменный взгляд.

– Милая, это ведь мое место, – лепечет попутчица. – Твое рядом с женихом.

Мы «с женихом» одновременно скидываем головы, а затем оба переводим взгляд на женщину, словно синхронисты в бассейне. Как можно незаметнее я пытаюсь рассмотреть

своей безымянный палец и едва не подпрыгиваю на месте, потому что на нем блестит золотое кольцо. Но еще больший страх меня охватывает, когда я вижу точно такое же на руке сидящего напротив. Я помолвлена?

– Неужели поссорились? – склонив голову на бок, спрашивает женщина, улыбаясь так, будто умиляется двум младенцам.

Парень неловко улыбается и берет меня за руку. Ладони у него широкие, теплые, а еще влажные.

– Конечно, нет. Когда бы мы успели? – медленно произносит он низким, слегка глуховатым голосом, несколько нервно сжимая мои пальцы.

Я непроизвольно напрягаюсь, но молчу, оставаясь безучастным наблюдателем. Парень отпускает, и я тут же прячу трясущиеся руки.

Я чувствую, как горю до кончиков ушей. Надеюсь, на фоне рыжих волос и таких же веснушек, этого незаметно. Чтобы скрыть смущение, медленно пересаживаюсь, пытаюсь незаметно рассмотреть парня, все еще не в состоянии поверить, что я и он вместе. Я даже слово «мы» произнести не в силах.

Судя по всему, он предпочитает совсем не разговаривать с окружающими. Наверное, интроверт. Вжался в угол, пытаюсь, как хамелеон, слиться с белой стеной вагона, и это даже комично, потому что не заметить это слишком сложно. Чего уж говорить, парень с таким лицом и телом заставит любую

девушку нервничать, захлебываясь в слюнях и восторгах, — слишком уж ладно выглядит. Даже подозрительно.

Широкие плечи обтянуты тонким джемпером, через который проступают рельефные мускулы, русые волосы аккуратно уложены на бок. Да он словно сошел с рекламного плаката! И хотя сидит, все равно заметно, что высокий, не меньше шести с лишним футов.

Мысленно я даю себе «пять» за то, что мой жених такой красавчик. Под ребрами приятно покалывает. Он определенно подходит под тип парней, который мне нравится, но я все равно продолжаю искать в его взгляде хоть что-то, за что смогу зацепиться: морщинку между бровей, шрам, любую ужимку или эмоцию, которая всколыхнет что-то внутри и докажет, что я не схожу с ума. Воспоминание или ощущение: мягкое и согревающее, как чашка горячего шоколада в зимний вечер, или, наоборот, пламенное и возбуждающее, как прикосновение холодного шелка к раскаленной коже. Но бесполезно.

Попутчица называет его Шон. Я пробую это имя на вкус, беззвучно проговаривая по буквам, в надежде, что оно вызовет внутри хоть какие-то ассоциации. Будто встречу старого знакомого, которого не видела много лет, но ждала, как никого другого.

Тоже ничего.

Чувствую, что упускаю какую-то важную деталь, мелочь, которая соединит все части мозаики вместе. И тут меня осе-

няет. От ослепляющей догадки дыхание перехватывает. Это предположение надо срочно проверить, и если то, что случилось со мной не случайно, значит эта кара небесная, психологический эксперимент или наказание за грехи может работать в обе стороны.

Обхватывая двумя руками теплую, широкую ладонь Шона, я наклоняюсь ближе и, настолько ласково, насколько позволяет актерский талант, произношу:

– Милый, не проводишь меня в уборную, а то голова снова кружится?

Я глажу мозолистую ладонь. Мышцы под моими пальцами тут же напрягаются.

– Не отпускай ее больше одну, – наставляет Мария.

Распахнув карие, словно шоколад, глаза, Шон поднимается и подает руку, помогая мне встать. Что ж, парень научен манерам.

Мы так близко, что я чувствую запах его кожи. Но это не ожидаемый аромат дорогого одеколона или средства для бритья, бензин и немного машинного масла.

За красивой оберткой прячутся сплошные сюрпризы. Мне хочется спросить так много. Например, почему он работает в мастерской, ведь это странно. Он мог бы быть моделью или актером, но я отправляю эти мысли в самый дальний угол разума, решая, что выясню это позже.

Когда мы оказываемся достаточно далеко от нашей попутчицы, я тяну его за рукав, прося остановиться:

– Постой! – Какой же он все-таки высокий по сравнению со мной! Приходится задрать подбородок и немного отстраниться, чтобы посмотреть ему в глаза. – Хотела поговорить.

Я мысленно стараюсь сопоставить все факты, что узнала.
Поезд. Помолвка. Потеря памяти.

Мой разум выглядит как стена, на которой иголками прикреплен десяток мелких листочков с написанными на них открытиями, только проблема в том, что ни одно из них ни на йоту не приблизило меня к пониманию причин случившегося.

– С тобой точно все в порядке? – интересуется Шон, и между его бровями появляется крошечная, не больше рисового зернышка, морщинка.

– Да, просто закружилась голова, – мило улыбаюсь я. «Не считая того, что я гуляю по одному- Богу-известно-куда-направляющемуся поезду под руку с совершенно незнакомым парнем и не помню ни минуты из собственной жизни». – Мы же с тобой помолвлены... – Заглядываю я в глаза, словно отбившийся от стада олененок.

Шон неуверенно кивает.

Кто-то в вагоне хлопает дверью, и нас обдает холодный воздух вперемешку с едва уловимым запахом дыма.

– И давно вместе, – осторожно предполагаю я, хотя руки аж дрожат от нетерпения. Видимо, выдержка не была моей сильной стороной.

– Да.

– И, естественно, ты знаешь обо мне все.

– Ну, не все конечно... – медленно произносит парень, замирая.

Ладно. Плевать, что он подумает. Выдержав нарочитую паузу, я произношу:

– Когда у меня день рождения, Шон?

– Что? – парень недоуменно смотрит в ответ. – Милая, что за странные вопросы?

– Какого числа мой день рождения? – повторяю я почти с вызовом, и тут меня снова выручает Мария, наша прекрасная, говорливая попутчица, ни разу при Шоне не назвавшая меня по имени. И я сбрасываю эту бомбу.

– Как меня зовут, Шон?

Шон нервно сглатывает, а я внимательно наблюдаю за его лицом. На нем написана лишь одна эмоция – растерянность. Мои ладони с каждой следующей секундой его молчания потеют все сильнее и сильнее.

– Ты не помнишь, верно?

Я и сама не знаю, спрашиваю ли или декларирую это как факт, вот только теперь ситуация выглядит еще хуже.

– Ох, нет... не имею ни малейшего понятия. – Потирая переносицу, как будто у него раскалывается голова, он присаживается на свободное сиденье, и я устраиваюсь рядом. – Прости.

– Виола Максфилд, приятно познакомиться, – выдавливаю я из себя. – Что ты еще не помнишь?

– Не знаю, я как будто в вакууме, – обреченно произносит парень. – Очнулся после долго сна здесь, в вагоне, примерно полчаса назад.

Мое сердце начинает стучать так, словно выпрыгнет из груди. С это же момента и в моей жизни все пошло кувырком.

Шон резко поднимается и произносит:

– Идем. – Хватает меня за руку и тащит за собой, словно воздушного змея на веревочке. Странно, хотя мы знакомы всего полчаса, рядом с ним я чувствую себя в безопасности, как за стеной, и кем бы не являлся этот парень для меня раньше, у нас уже есть кое-что общее.

– Куда ты меня тащишь?

– Туда, где очнулся. Там наверняка остались наши вещи. Надо проверить багаж.

Мы протискиваемся мимо идущих навстречу, почти бежим обратно. Я решительно сжимаю кулаки и осматриваю купе. Под аккомпанемент недоуменных взглядов мы обшариваем все свободные места возле скамеек, но ничего, кроме его куртки и моего пальто, не находим.

– Что у тебя с собой? – спрашивает Шон, залезая в свои карманы и выгружая оттуда свернутые мелкие купюры и кожаное портмоне.

– Только сумка. – Я тянусь к молнии, чтобы высыпать содержимое на столик, но меня останавливает бодрый голос контролера:

– Приготовьте билеты! – Я перевожу взгляд на Шона, на что он молча поднимает плечи. Начинаю судорожно рыться в сумке, и содержимое моей косметички рассыпается по полу.

– Давай же, может, они у тебя в одном из карманов? – торможу я парня, а сама опускаюсь на колени и запикиваю вещи обратно.

Шон трясет свои вещи, шарит по карманам, но внутри пусто, как и в наших головах.

– Мисс?

Я поднимаю испуганный взгляд на тучного мужчину в ярко-синей униформе, в его руках компостер, он ждет.

Шон делает шаг вперед. Я прячусь за парнем, как трусиха.

– Послушайте, мы потеряли билеты... может, мы сможем договориться, заплатить сейчас?

Меня окатывает волной стыда, раскаленной и красной – какой позор! – Но я отталкиваю ее, убеждая себя, что это не самая главная проблема. Шон сможет уладить эту ситуацию. Определенно. Потому что так и излучает уверенность.

Тишина в вагоне весит тонну, а взгляд проверяющего укоряет громче любых слов, когда нас, публично обругав, выгоняют, выбив на тонкой бумажке штраф.

– Аккуратнее! – Контролер практически выталкивает на промозглый, залитый светом перрон. Люди на станции практически не выходят, лишь пара человек садится в поезд. Я отчетливо вижу, как на платформу из соседнего вагона другой проверяющий выпроваживает двух парней, так же как и

нас минутой назад.

Один из них мне уже знаком – тот странный тип, с которым я столкнулась в туалете. Он складывает руки на груди, рассматривая практически пустой вокзал, и его взгляд останавливается на мне. Черные пряди из-под серой шапки падают на глаза. Его друг, стоящий рядом, что-то рассказывает, активно жестикулируя, и вдруг в голову приходит мысль, что его светлые волосы можно сравнить со снежным сугробом или горкой взбитых сливок.

Состав выпускает облако пара из-под колес и издает протяжный вздох. На перроне остаемся лишь мы четверо.

– Надо решить, что делать дальше, – вырывает из раздумий низкий голос Шона. – Пойду спрошу у тех парней, может, они знают, как добраться до ближайшего города.

Я жду его на месте. Вдалеке мягким золотом мерцают огни; судя по табличке, мы на станции Эмблсайд. Ветер приносит запах печеных яблок и корицы из пекарни, притаившейся неподалеку. На секунду меня охватывает приступ острой тоски. Ведь где-то находится мой дом, и наверняка ждут родители.

В сгущающихся сумерках отрывисто мигает сигнал к отбытию. Я рассматриваю все еще стоящий на перроне поезд, словно жду, когда он рванет, как ракета, наверное потому, что поезда в кино всегда так делают. Странно, что я помню такие вещи, как кино, но не помню, что ела на завтрак. Но этот поезд трогается с места так лениво, как будто ему про-

сто наскучило стоять на месте, и он решил сменить обстановку.

Состав свистит снова, на этот раз громче и четче. Я провожаю его и разворачиваюсь. Из здания вокзала поспешно выходят трое мужчин. С одним из них я встречаюсь взглядом и меня словно окатывает холодной водой. Не знаю откуда, но уверена, эта встреча не сулит ничего хорошего.

– Шон, – тихо зову я, но парень успел уйти достаточно далеко, и не слышит мой голос. – Шо-о-он.

– Хватайте ее!

Понимая, что незнакомая компания движется ко мне, кидаюсь в сторону, где приютилось несколько магазинчиков, торгующих сувенирами.

– Шон!

Но не мой парень, а незнакомые мужчины бросаются следом.

Пульс бьется в висках, пока я несусь, поворачивая то влево, то вправо, петляя между сиденьями и стойками с цветами. От страха ноги немеют, я бегу на сплошном адреналине. Кидаюсь к одному из киосков в надежде найти телефон и вызвать полицию, по пути зацепив стойку с сувенирами. Падаю на колени, заскользив на гладкой плитке. Тут же вскакиваю, но, дернувшись, застываю, потому что незнакомец направляет на меня пистолет.

– Она здесь! – кричит он остальным.

Я делаю шаг назад и поднимаю руки вверх. Крепко зажму-

риваю глаза, когда внезапно потолок надо мной обрушивается. Навес из брезента падает, сбивая меня и мужчину с ног, засыпая с головой рюкзаками, зонтами и различной мелочевкой. Раздается несколько выстрелов, судя по звукам, снаряды происходят драка.

– Шон!

Паника колючим комом застревает в горле. Нет, нет, нет. «Хоть бы его не убили», – бьется мысль в голове. Больше всего на свете я боюсь остаться одна.

Откуда-то изнутри магазина слышен крик продавца. Я опускаюсь на четвереньки и пытаюсь выползти из-под упавшего навеса, переступая через разбросанные товары. Меня тошнит от звуков глухих ударов, доносящихся с площади, собственной слабости и беспомощности. Я не могу разобраться в происходящем, и почему оказалась втянута в какую-то жуткую историю.

Брезент подымается, и я хватаю рукой валяющуюся рядом стеклянную сувенирную бутылку, готовая драться или броситься бежать. Сердце сжимается.

– Виола, с тобой все в порядке?

Шон протягивает руку, помогая подняться. В его глазах беспокойство. Я все еще дрожу и, крепко обхватив себя руками, начинаю медленно дышать, пытаюсь унять панику. Те трое, что пришли за мной, лежат на земле без сознания. А Шон и парни, которых, как и нас, сняли с поезда, стоят полукругом над ними.

– Что это было? – спрашиваю я. – Вы кто?

– Так, значит, вот кто такая Виола. – Брюнет пристально разглядывает меня своими синими, как штормовое море, глазами. Снова.

– Очуметь! Как же круто! – аж подскакивает на месте второй, проводя рукой по светлым волосам. – Я даже представить не мог, что так умею! Нет, ты видел, видел? – обращается он к другу, но тот не отвечает.

Блондин протягивает мне руку, но я отшатываюсь назад и врезаюсь спиной в грудь Шона.

– Артур Кавано, приятно познакомиться. – Он широко улыбается, обнажая два ряда не слишком ровных зубов, берет мою руку в свои ладони и энергично ее пожимает.

На его скуле наливается синяк, но его самого это, кажется, совершенно не беспокоит.

– Можно просто Арт, а этот угрюмый тип – Ник. Я рад, что мы наконец тебя нашли.

– В каком смысле «нашли»? – выдергивая руку из его тонких ладоней, практически шиплю я, прижимаясь ближе к «своему» парню. Знаю, что он, как и я, совершенно ничего не понимает. – Я хочу знать, почему вы двое меня ищите, и кто вас послал.

– Вряд ли кто-то сможет дать ответ на эти вопросы, Принцесса, потому что ни один из нас ни черта не помнит. – Ник достает из кармана клочок бумаги и протягивает мне. – Если тебе станет легче, это было у меня в руках, когда я очнулся.

На помятом листке в клетку неровным, дрожащим почерком написана лишь одна фраза: *«Первым делом найди Виолу и Ш...»*. Далее текст прерывается, оставляя на бумаге след от росчерка чернил. Слова написаны коряво, едва читабельно, словно пишущий очень торопился.

– А вот моя, – протягивает мне другой клочок его напарник: *«Этот странный фрик с темными волосами – твой друг!»*

– Что за бред! – раздражаюсь я, комкая оба листочка и отбрасывая в сторону. Запускаю пальцы в волосы и крепко сжимаю виски.

Я не помню, кто я. Не знаю, где нахожусь. Только что неизвестные люди хотели меня убить.

Снова начинаю нервничать. Эти парни что-то недоговаривают, наверняка что-то плохое. Совпадение ли, что они тоже потеряли память?

На несколько секунд между нами повисает тяжелая пауза. Ник обращается к Шону, возвращая меня из мира переживаний:

– Значит, ты и есть Шон?

– По крайней мере, так было последний раз, когда я проверял, Шон Рид, – строго говорит он и бросает на брюнета осторожный взгляд. – Не расслышал твое имя.

– Николас Лавант, – коротко отвечает тот, протягивая руку.

– Так, что дальше? – спрашивает его друг.

– Надо отсюда валить, пока полиция не приехала, – говорит Шон, опускается на корточки и достает оружие агента. Следуя его примеру, Ник забирает пистолет у другого и засовывает за пояс. – Труднее выследить нас поодиночке, чем всех вместе.

– Нет, надо держаться вместе, – отрезает Ник. – Самое главное сейчас найти машину. А дальше по пути разберемся.

Парни, как по команде, переходят на бег, а я застываю на месте.

– Эй, меня подождите!

Дыхание превращается в облачко белого пара, и я припускаю следом. Сейчас зима, и хотя снега нет, холодный воздух с каждым вдохом обжигает легкие. То и дело я вляпываюсь в лужи, каждый раз благодаря себя за то, что на мне обувь без каблуков.

Мы бежим около двадцати минут. Торговый квартал сменяется жилым. Парни осматриваются и кивают в сторону двора, огражденного невысоким забором. Ник с Артом легко перемахивают через него. Мне это сделать оказывается сложнее, и Шон подсаживает меня сзади, передавая в руки парней. В доме не горит ни одна лампочка, и когда Артур начинает ковырять замок на двери автомобиля, до меня наконец доходит вся серьезность ситуации.

– Вы что, хотите угнать машину? – спрашиваю, переводя испуганный взгляд от парня к парню. – Seriously? Это же преступление!

– Если у тебя есть идея получше, мы можем вынести ее на коллективное рассмотрение нашего маленького заседания присяжных, – зажав в зубах тонкую металлическую спицу, бормочет Арт.

– Ты сможешь его завести? – спрашивает Ник.

Артур кивает. Я только развожу руками. Думаю, прежняя Виола никогда так не осознавала свою уязвимость, как я в этот момент, потому что оказалась Бог знает где, в компании трех совершенно незнакомых мужчин, каждый из которых может убить при желании одной рукой, и улики не останутся. Но уже через десять минут сажусь на пассажирское сидение угнанного внедорожника, даже не задаваясь вопросом, есть ли вообще у кого-то из них права. «Раньше меня наверняка бы волновал этот вопрос», – думаю я, крепче прижимая к груди сумку с вещами.

До шоссе мы добираемся относительно спокойно, потому что движения на дороге нет.

Как, в общем, и пути назад.

Осколок 2. Знакомство

Окрестности, проносящиеся за окном, сливаются в красочный туман, поднимающийся сероватым облаком к малиновому небу. Если мы все еще в Англии, в чем я уже на самом деле не уверена, то, судя по погоде, сейчас зима. Бесконечные поля, устремляясь вдаль, мягким ковром раскинулись на многие мили, монотонно повторяя свой однообразный узор уже в течение целого часа.

– Итак, – произносит Арт, сворачивая с центрального шоссе на узкую дорогу, – есть идеи, что за хрень произошла на вокзале?

Шон в это время перетряхивает содержимое карманов и бумажника. Ник на переднем сиденьи, сняв с шеи серебряную цепочку, разглядывает металлический жетон.

– У вас тоже такие? – поворачиваясь, спрашивает он. – На моем личный номер и надпись «Экспериментальный Бета».

Шон запускает пальцы за воротник, вытягивая тонкую цепочку с висящей на ней металлической пластинкой.

– Аналогично.

– Как и у меня, – раздается голос Арта с места водителя. – Я свой еще в поезде заметил.

– Если мы солдаты, нас будут искать, – надевая цепочку обратно, говорит Ник. – И светит нам трибунал. Но самый главный вопрос: кто тогда она?

Он указывает на меня, и я вжимаюсь глубже в сидение.

– Она моя девушка, – отвечает Шон, – или невеста, мы это пока не выяснили. – Он поднимает руку, показывая кольцо.

– Прекрасно, – закатывает глаза Ник. – Но вы слышали, те агенты искали ее.

– На что ты намекаешь? – тут же ощетиливаюсь я.

– Ни на что, – с деланным равнодушием произносит он. – Просто факт констатирую.

– Я ни при чем, – оборачиваюсь на Шона и не понимая почему, начинаю оправдываться.

– На твоём месте я бы тоже так говорил, – как ни в чём ни бывало комментирует Ник.

– Эй!

– Слушай друг, притормози с обвинениями!

Это уже Артур.

– Да плевать, – бухтит Ник. – Просто все это дерьмо происходит из-за девчонки, вот увидите.

Я вжимаюсь в сиденье.

– Хочешь уйти? – вдруг откликается Шон. – Можем остановить машину, и ты свободен.

Он говорит негромко, но уверенно. Мне нравится его способность справляться с ситуацией, не повышая голос.

– Давайте сперва перекусим, – предлагает Арт, улыбаясь, словно пытается разрядить обстановку. – А дружелюбие проявите потом¹.

¹ Известная фраза из сериала «Альф».

Ник сердито сверлит взглядом дырку в лобовом стекле, а я отворачиваюсь к окну, прислонившись лбом к стеклу. Земля, словно зеленое покрывало, пролетает мимо. За спиной остается дорожный знак въезда в город, и Артур сбавляет скорость.

Я открываю боковой карман сумки и, вытащив оттуда несколько смятых чеков, обнаруживаю на дне телефон. Первое имя, которое бросается в глаза, – «Отец». Я открываю сообщения, но не нахожу ничего важного, кроме стандартных фраз вроде тех, что я в порядке. Более того, начинаю гадать, какие между нами, вообще, были отношения? Ладили ли мы? Были ли близки? Судя по тому, что мы пишем друг другу лишь пару раз в год – не похоже. Я пытаюсь найти контакт мамы, но в записной книжке такого имени не существует. Значит, у меня лишь отец. Где он сейчас? Беспокоится ли обо мне? Может, стоит ему позвонить? А если выдам себя?

Пока я обдумываю, что лучше предпринять, взгляд останавливается на строке с надписью «Любимый. Тот, что под дождем», и я медленно просматриваю сообщения, начиная читать снизу вверх. Большинство ничего не значат, мы договариваемся о встрече или просто желаем друг другу спокойной ночи. Но одно сразу же привлекает внимание.

«Нас опять заперли в лаборатории, я должен писать дневник, но сижу и мечтаю о тебе. Почему я мечтаю о тебе почти все время? Это нормально вообще?»

Лаборатория? Может, мы часть жуткого эксперимента?

Бред! Такое бывает только в фильмах. Прокручиваю текст дальше.

«Ви, я так соскучился, что хочу поцеловать каждую твою веснушку. Кажется, я фетишист».

Поворачиваю голову, исподтишка разглядывая Шона. Мы сидим близко, наши колени соприкасаются, но он не отодвигается и, похоже, не возражает против этого. Жаль, я не могу вспомнить наш первый поцелуй. Интересно, было ли между нами что-то большее? Опускаю глаза к экрану и решаю отмотать сообщения к самому началу.

«А знаешь, мне даже понравилось покидать твою комнату через окно. Я чувствовал себя героем того самого романа, о котором ты рассказывала».

«Боже, Арт своим пением сводит меня с ума. Можно я к тебе перееду?»

«Сегодня полковник в отъезде. Жди. И если ты спрашиваешь про цвет, я выбираю черный».

Я читаю строки, захлебываясь словами и пытаюсь сдержать улыбку, но уголки губ тянутся вверх, словно кто-то натягивает их, привязав тонкие ниточки. В моих чувствах к Шону пока пусто, но прочитанные слова касаются сердца, разжигая внутри нежный огонек симпатии. Я не знаю этого парня, но почему-то верю каждой строчке.

«Сегодня Джесс наорал на весь отряд. На самом деле парни ни при чем. Он в очередной раз угрожает снять меня с позиции командира (это уже забавно, правда?). Встретим-

ся на нашем месте в десять?»

Значит, Шон является командиром отряда? Звучит логично. Такой строгий и суровый снаружи, тонко чувствующий внутри.

«Люблю тебя, Веснушка! Уже скучаю!»

Мне нравится, как он делится со мной мыслями каждый вечер. Это как писать друг другу письма. С одной стороны, старомодно, но при этом так романтично.

«Засыпаю, сидя на совещании. Несмотря на то что я не спал всю ночь, в чем, между прочим, ты виновата, я все равно заявлюсь сегодня снова. И да, то черное белье просто восхитительно!»

Значит, мы... Я покрываюсь румянцем и кошусь на Шона, будто подглядываю за чужой жизнью, заполняя словами, сказанными другой девушке, гулкую пустоту, а себя – чужой историей любви. Он поднимает на меня взгляд и... улыбается?

– Все нормально? А то у тебя выражение лица... взволнованное, что ли?

– Да, в порядке, просто читала сообщения, – тараторю я в ответ. К лицу приливает жар, и я опускаю глаза, разглаживая несуществующие складки на своем пальто. – А то я ведь совсем тебя не знаю.

Шон протягивает руку, и я подаю свою в ответ. Этот жест такой простой, но мне он кажется таким же интимным, как первый поцелуй. Сердце бьется с бешеной силой, и когда я

решаюсь поднять взгляд, меня перебивает уже хорошо знакомый раздраженный голос. Либо у меня паранойя, либо единственная причина его дурного настроения – я.

– Так и знал, что от тебя будут неприятности. – И прежде, чем я успеваю сделать хоть что-то, Ник оборачивается, выхватывает из моих рук телефон и, опустив стекло, выкидывает в окно.

– Эй! – обиженно восклицаю я, от неожиданности и растеряющей злости надувая щеки. – Что ты сделал?!

Растерянность сменяется гневом, потому что я только что потеряла хоть тонкую, но все же связь со своей прошлой жизнью.

– Там же могла быть важная информация, которая поможет понять, кто мы.

– Когда тебе прострелят глупую голову, поверь, эти знания тебе не понадобятся, – даже не повернувшись, отвечает Ник. – Откуда иначе взялись те «люди в черном» на вокзале? Они знали, что мы там.

Я всплываю руками и отворачиваюсь. Это просто невозможно!

– Как можно понять, что делать дальше, если даже не знаешь, кто ты и почему за тобой гонятся?

Ник упирается в приборную панель ногой, оборачивается и окидывает меня с ног до головы стальным взглядом.

– А может, есть вещи, которые лучше не помнить?

– О чем ты? – удивленно спрашиваю я. – Ты ведь не мо-

жешь знать наверняка, если не помнишь.

– Считаешь?

Я прищуриваюсь.

– Либо ты врешь, либо что-то недоговариваешь.

Он отворачивается, слегка поморщившись, оставляя меня без ответа и в полнейшем замешательстве. А если он прав? Вдруг наша прошлая жизнь была настолько ужасна, что помнить хуже, чем забыть? Вдруг мы все приняли осознанное решение что-то стереть из памяти?

– Насчет телефона Ник прав, – доносится голос Арта. – С помощью этой штуки нас легко выследить. Он включает поворотник и меняет полосу, промчавшись мимо туристического автобуса.

– Надеюсь, ни у кого больше телефоны в карманах не прятаны? – произносит Ник и тут же добавляет, хватаясь за бок: – Нам бы остановиться где-нибудь на ночь!

– И поесть, – вклинивается Арт.

– Снимем номер в гостинице.

– А как насчет еды? – не унимается Артур

Я наклоняюсь между сиденьями, чтобы внимательно рассмотреть его.

– Как ты в данной ситуации можешь думать о еде? Мне даже крохотный кусок в горло не полезет.

Артур пожимает плечами:

– Борьба требует много сил!

– Какая нафиг борьба? – откликается его друг.

– Что значит «какая»? Во имя добра, мира и справедливости! Не зря же за нами объявили погоню, чувствую себя героем блокбастера.

Я улыбаюсь и откидываюсь обратно на спинку сидения. Следующие часа два мы по большей части молчим. Солнце уже давно село, так что мы едем в темноте и тишине. Артур переключает станции, пока не останавливается на старой поповой песне и тут же начинает ее напевать. Часы на моей руке показывают почти полночь.

– Только я помню тексты песен? – спрашивает он и принимается старательно насвистывать мелодию, повторяя за радио приемником.

– Нет, я тоже, – подаю голос. – Что ты еще помнишь?

Парень чешет затылок, ероша светлые волосы.

– Таблицу умножения. Но это не точно. Фильмы помню, как зовут королеву Англии, ну и вот, – указывает он рукой на руль, – помню, как вести машину.

«И как угнать», – про себя добавляю я.

– Я помню фрагменты из детства, – тихо говорит Ник.

– Серьезно?

Почему только у него одного есть воспоминания из собственной жизни?

– А у меня пустота.

– Не знаю почему, но некоторые сцены я вижу четко.

Я ожидаю, что сейчас Шон вступит в разговор, но он молчит. Смотрю в его сторону и вижу, что парень прислонил го-

лову к окну и закрыл глаза. Наверное, спит.

– Мы тебя еще не напугали окончательно? – интересуется Арт. – Уверен, в твоих планах не было записи «тусить», – он изображает в воздухе кавычки, – с кучкой незнакомцев в угнанной машине.

– Уверена, что с удовольствием бы прочитала, что «было в моих планах», но кое-кто выкинул мой смартфон в окно.

Я смотрю на Ника испепеляющим взглядом, но он не поворачивается.

– Не обращай на него внимания, – говорит Арт и тут же, подмигивая, добавляет: – Пусть это будет нашим маленьким секретом: он просто не умеет им пользоваться.

Ник цокает, и я на этот раз не сдерживаю улыбку.

Мы проезжаем знак, на котором светоотражающей краской вспыхивает надпись, что до Воркингтона две мили, и останавливаемся у первой гостиницы, расположенной недалеко от трассы. Небольшие двухэтажные домики, раскиданные среди многовековых деревьев больше напоминают летний лагерь, чем отель, и парни, оценив это место как безопасное и удобное в случае внезапного отступления, остаются довольны выбором.

Шон просыпается, только когда машина останавливается. Арт выходит на улицу узнать о свободных номерах. Я нервно ерзаю, тянусь к своему парню и шепчу:

– Шон?

Потирая глаза, он наклоняется ближе:

– Да?

– Я не могу сложиться за гостиницу. У меня при себе нет наличных. Только карточки, но ими же нельзя нигде расплачиваться, верно? Давай я потом отдам тебе.

– Что? Ох, не переживай. Мы же вроде как вместе, – смущенно отвечает он.

А я почему-то краснею.

Арт с Шоном регистрируются, называя вымышленные имена. Мы с Ником ждем у входа в гостиницу.

– Номера 12 и 14, – говорит Шон, поднимая затертые и поцарапанные карточки, на которых висят металлические ключи.

– Наш двенадцатый, это же самое лучшее число! – вырывая один из брелков, восклицает Артур, и в ответ на наши недоуменные взгляды, добавляет: – Вы что, не знали, только в НБА под этим номером играло 327 спортсменов! А еще в НХЛ считается...

– Идем, Виола, – перебивает Шон.

И я, пожав плечами, мол, рада была бы дослушать, да не судьба, послушно шагаю следом.

Шон открывает дверь, пропуская меня внутрь первой. Я на ощупь нахожу выключатель прямо у входа, и крошечный номер заливают тусклый желтый свет. В центре стоят две однопалки, застеленные полинявшими покрывалами, и я с облегчением выдыхаю. Спать в одной постели с парнем я пока не готова. Кресло приютилось в углу возле широкого окна в

пол, а напротив кроватей – узкая тумба с телевизором.

– Ну, какие у тебя есть мысли на счет происходящего? – произносит Шон, закрывая дверь. Он проходит внутрь комнаты, снимает куртку и аккуратно складывает ее на покрытие.

Я бросаю на него беглый взгляд и тут же, застуканная на месте преступления, опускаю голову, отгораживаясь стеной собственных волос. С идеальной осанкой и широкими плечами он даже в простой рубашке и джинсах выглядит как модель. Стоит взглянуть на этого парня, как в животе скручивается клубок, и я не уверена – от голода ли, адреналина, бушующего до сих пор в крови, или того впечатления, которое он на меня производит. Но отмечаю, что это даже... приятно.

– Я прочитала в сообщениях, которые ты присылал, что вы все служили вместе. Еще ты упоминал какую-то лабораторию. И что какой-то Джесс угрожает снять тебя с позиции командира. Возможно, те агенты, что ищут нас, связаны с этим.

– Возможно. Это немного, но... спасибо.

Он подходит к окну, отодвигает плотную коричневую штору и осматривает парковку перед отелем.

Я не рассказываю, что, судя по письмам, между нами было. Не знаю, почему. Может потому, что морально разбита, мне грустно и страшно. А может, хочу, чтобы он понял меня без слов. Чтобы прочитал все на лице, обнял. Только Шон

этого не делает. Я падаю на одну из кроватей, закрывая руками глаза.

– Все нормально? – интересуется парень, и я уверена, случись такое вчера, он бы вне всяких сомнений постарался меня успокоить, крепко прижать к себе. Но все случилось сегодня, а теперь мы – незнакомцы.

Раздается стук в дверь, заставляя забыть о жалости к себе, и я подскакиваю.

– Кто? – рывкает Шон, достает пистолет и медленно подходит к двери.

– Это мы, у Ника тут проблема, – раздается приглушенный голос Артура. Шон распахивает дверь и, когда парни входят внутрь, тут же закрывает замок, задвинув цепочку.

– Что случилось?

Ник садится на кровать, стаскивает с себя черную кожаную куртку, стиснув от боли зубы, и я вижу большое красное пятно расплывшееся по его левому боку.

– Почему молчал? – безэмоционально спрашивает Шон.

Он явно видит раненого не впервые.

– Не думал, что серьезно. – Ник, поморщившись, поднимает тонкую ткань футболки, и я вижу болезненный красный порез, видимо, во время драки его задела.

– Нужен алкоголь для обеззараживания. – Шон указывает рукой на Арта. – Идем, заодно проверим местность. Дверь никому не открывать! – командует он, и парни вместе покидают номер.

Я подхожу к двери и запираю ее на замок.

– Вот же..! Могу поспорить, это была моя самая любимая футболка! – полностью стаскивая с себя окрашенную красными пятнами вещь, возмущается Ник.

– Очень смешно. На твоём месте я бы больше беспокоилась о дыре между твоих ребер.

Ник не такой крупный и накачанный, как Шон, хотя видно, тоже регулярно тренируется. Но мое внимание привлекает правый бок, половину которого занимает черная татуировка. Дерево с тонкими, гибкими ветвями пересекает ребра, поднимается вверх и опутывает плечо. Каждая деталь прорисована так четко, словно приглашает заглянуть в другой мир. Ветер треплет листву, а на широкой ветке привязан ловец снов, перья которого тянутся вдаль, гонимые ветром. Зачем солдату набивать себе татуировку на половину торса? Этот факт кажется более, чем странным.

– Судя по количеству шрамов, скорее всего, меня ранили не впервые, – произносит Ник и, будто почувствовав шелест моих мыслей, резко поворачивается, встречаясь со мной взглядом. Его бледность в данный момент только усиливает блестящую синеву глаз.

– Хочешь воды? – нахожусь я и, чтобы не выдать свои подозрения, подхожу к столу и беру прозрачный стакан.

– Хочу морфин или хотя бы хороший косяк.

– Ты всегда уваливаешь от ответов, пряча правду за кол-костями? – закатывая глаза, пока Ник не видит, спрашиваю

я.

– Нет, просто есть категория людей, с которыми я не желаю делиться той самой правдой, – парирует он.

Я с резким стуком ставлю стакан на место и, сложив руки на груди, оборачиваюсь, опираясь на деревянную тумбу бедрами.

– Я слышала, что ты сказал про меня в поезде. Из-за нашей стычки я так тебя раздражаю?

Ник молчит. Он внимательно и сурово разглядывает меня, ни на секунду не отводя свой тяжелый взгляд, и медленно произносит:

– Просто не люблю людей, которые видят только то, что на поверхности, хотя вроде как делают вид, что главное внутри.

Я замираю.

– Ты сейчас на меня, что ли, намекаешь? Да как ты можешь в чем-то меня обвинять, когда сам ничего обо мне не знаешь?

Ник мрачно усмехается:

– Я ничего не знаю о тебе. Ты ни фига не знаешь обо мне. Мы все четверо ни черта не знаем друг о друге, но я готов поспорить, Виола, что мы с тобой похожи. Вот почему ты мне не нравишься.

Ник в этот момент выглядит иначе. Несмотря на ранение, его поза полностью расслаблена. Глаза прищурены, а на губах играет хитрая, едва заметная улыбка.

– Считай, что мы, как магнитные шарики, ну, знаешь, та-

кие, что врезаясь друг в друга, отталкиваются еще больше.

Его голос приглушенный и вкрадчивый. Он не злится, между нами скорее взаимная неприязнь. На генетическом уровне. Возможно, в этом Ник прав. Этого парня, вообще, понять сложно, слишком уж он скрытный. И раздражительный.

– Великолепно, – бросаю я, одними губами добавляя «придурок», и усаживаюсь на другую кровать спиной к развернувшейся в комнаты кровавой картине, потому что слишком устала, чтобы пытаться переубедить его или переиграть в остроумии.

Я хочу отдохнуть, свернуться калачиком на выцветшем покрывале и забыться. Часы на стене медленно перемалывают время, и я рада, что ни один из нас больше не нарушает негласный уговор молчания. Парни возвращаются спустя пятнадцать минут, что-то тихо обсуждая. Шон говорит об оружии, но я едва его понимаю. Он достает из-за пазухи виски, а может, это водка, все равно я не пью. А я не пью?

– Ну, – поднимая бутылку вверх, спрашивает он, – кто будет исполнять роль полевого хирурга? – его взгляд перепрыгивает с меня на Арта, и когда добровольцев не находится, произносит: – Кавано, давай ты.

– И чем я его должен шить, по-твоему? Я же тебе не сраный врач, и у меня никаких условий – ни ниток, ни игл, ни как его... зажима какого-нибудь хирургического... Не буду я.

Шон открывает ящик тумбочки возле одной из кроватей, достает оттуда дорожный швейный набор и бросает на кровать рядом с Ником.

– Обычной ниткой зашей.

– А можно, я на улице подожду? – выдавливаю из себя, порадовавшись, что до сих пор ничего не ела.

В глотке встает такой ком, что будь внутри хоть какая-то пища, она, определенно, попросилась бы обратно.

– Нет, тебе нельзя выходить одной, – отрезает Рид.

Я присаживаюсь в кресло, гнездящееся в углу комнаты, подобрав и прижав к себе ноги, сверху пристаиваюсь подбородком. Шон вытаскивает длинную иголку, отрезает нить и кладет все в стакан со спиртным. Стиснув зубы, Ник отворачивается в другую сторону. Я кривлюсь, не в силах больше смотреть, и зажмуриваю глаза. Стараюсь делать глубокие вдохи, чтобы побороть приступ тошноты, но даже находясь в противоположной части комнаты, кажется чувствую, как Нику больно. И это странно, потому что мои ощущения почти осязаемы. Это очень, очень странно. Он громко дышит и периодически выругивается на Шона.

– Ты как? – раздается голос Арта.

Я не уверена, кого из нас он спрашивает.

– В порядке, – отвечает Ник и добавляет, обращаясь, видимо, к Шону: – А ты не можешь делать это дерьмо быстрее?

Внезапно перед глазами возникает белая вспышка, и тут же все вокруг погружается во тьму. В ушах металлический

звон, голова начинает раскалываться от боли. Сжав ладонями виски, я закрываю глаза и крепче вцепляюсь в волосы, но это не помогает. Медленно сползаю по спинке кресла, как тающая свеча. А потом слышу крик у себя в голове. Кричу я...

Осколок 3. Фотография

Я кричу изо всех сил, но с губ не срывается ни звука. Сердце колотится так, будто сейчас выскочит из груди. Перед глазами мелькают провода и толстые иглы. Я отчаянно пытаюсь вырваться, но не могу.

Секунды, минуты, часы – время затягивает в темные топи, и я тону, погружаясь все ниже под воду. Она смыкается над головой, смертельной отравой проникая в разум. Глубже и глубже.

Чьи-то руки трясут меня за плечи.

– Виола, с тобой все в порядке?

Словно металлический дождь, предметы с резким звоном падают на пол. Стекло разбивается, разлетаясь на сотни осколков. Шум оглушает на секунду, ударяет по ушам. Звук приносит боль, будто пытается залезть под кожу, проникнуть в кости и разрезать сознание на тонкие ленты.

Глухие удары отражаются от стен, покрытых белой керамической плиткой. Я пытаюсь пошевелиться, но не могу. На запястьях широкие кожаные ремни.

Перед глазами вспыхивает образ: сидящий мужчина в военной форме. Внутри поднимается паника. Он собирает-ся причинить мне боль. Он уже причинял мне боль раньше.

Не могу объяснить, но я это точно знаю... Не могу убежать... Не могу...

– Виола!

– В аптечке глянь, там был нашатырь.

Дождь. Стук разбивающихся о бетон капель.

Звук хлыста. Все внутри сжимается.

Я падаю, падаю, падаю...

– Виола!

А потом становится тепло. Я в безопасности. Дома. Чьи-то руки гладят мое лицо, губы касаются нежно. Тонкие, длинные пальцы обхватывают запястья. Я касаюсь подушки щекой, проваливаясь в воздушные облака. Кто-то шепчет мое имя...

– Дыши, просто дыши, – чей-то низкий голос пытается вывести меня из забытья. – Сейчас станет легче.

– *Уводи ее, быстро! Арт, помоги мне!*

Сознание трескается, расходится по швам, превращаясь во вспышки холодного света и боль. Как же больно! Комок раскаленной стали взрывается у меня в висках, и сотни металлических игл вонзаются в голову.

– Хватит! Хватит! Хватит! – умоляю я. – Пусть это прекратится!

Я бегу по коридору, не оборачиваясь. На потолке отчаянно мигают лампочки, мерным треском создавая белый шум, и мне хочется разодрать кожу, чтобы только избавиться от этого звука. Толкаю со всех сил тяжелую металлическую дверь, она со скрипом открывается, и мир заливают солнечный свет...

– Виола, посмотри на меня!

Я с трудом разлепляю глаза. Надо мной нависает Шон, удерживая за плечи.

– Ты меня слышишь?

Его сильные руки трясут мое тело, словно шелковый платок на ветру, и я пытаюсь произнести сухими потрескавшимися губами: «Хватит». Потому что хочу только одного – чтобы меня не трогали! Чтобы никто не прикасался ко мне!

Свет от висящей на потолке люстры совсем тусклый, но даже он ослепляет, и я крепко зажмуриваюсь, спасаясь от жжения в глазах. С губ слетает тихий, почти не слышимый стон, и Шон, опускаясь рядом со мной на колени, аккуратно кладет руку мне на голову, прижимая к своей груди. Его сердце бьется так громко, что я чувствую стук щекой.

– Как ты, говорить можешь?

Я киваю, хотя не в состоянии произнести ни слова. Пытаюсь встать, но ноги будто набиты ватой и, потеряв равновесие, ускользаю из его рук. Шон успевает меня подхватить и усаживает в кресло.

– Ты точно в порядке? – обеспокоенно интересуется он. – Потому что по виду не скажешь.

Обрывки воспоминаний вновь врезаются в голову мучительным каскадом образов, и тело сотрясает дрожь. Я вытираю рукавом пот со лба, заодно убирая с лица взмокшие пряди, и осматриваюсь, стараясь успокоиться. Арт, вытянувшись в струну, опирается рукой на тумбу, словно ожидая мо-

ей реакции или нового приступа. Глаза Ника широко распахнуты. Как и пару минут назад, он сидит на кровати и прижимает к боку полотенце.

Головокружение проходит быстро, и я уверяю парней, что со мной все в порядке. Но в порядке ли?

Плюхнувшись на кровать, я крепко обнимаю подушку. Арт с Ником вернулись в свой номер и уже наверняка спят. На двери в ванную щелкает замок, и Шон выходит оттуда в облаке пара, вытирая посеревшим полотенцем волосы. В комнате царит полумрак, если не считать тусклого света ночника на прикроватном столике, но я все равно отчетливо вижу его крупную фигуру. Он присаживается на свой матрас и аккуратно складывает полотенце у самого края.

– Как ты? Голова не болит?

Я дотрагиваюсь до висков, слегка массируя, и провожу пальцами по волосам, пытаясь придать им некое подобие прически. Хотя в нынешней ситуации внешний вид должен интересовать меня меньше всего, я чувствую желание выглядеть если не привлекательно, то хотя бы прилично. Ведь если сегодня днем Шон был просто незнакомцем, теперь он стал парнем, которому я хочу понравиться.

– Вроде нормально, – отвечаю я и сажусь по-турецки, поправляя потрепанное покрывало. – Это было похоже на вспышку. Как будто фрагмент из прошлого, нарезанный из кусочков разных киноплёнок, склеенных вместе, но не со-

всем четкий.

– Наверное, это хорошо, да? – он нерешительно поднимает глаза. – Значит, воспоминания возвращаются?

Я пожимаю плечами:

– Мне кажется, мы никогда по-настоящему ничего не забываем. Моя жизнь все еще там, – дотрагиваюсь я пальцем до виска, – но погребена под ментальными развалинами. Кто-то специально разрушил все внутри, я в этом уверена. Вопрос только – кто? И зачем?

Шон откидывается назад, опираясь на руки, и внимательно меня разглядывает. В желтом свете лампы я замечаю несколько широких шрамов на его груди. Ник тоже говорил, что его ранили не впервые. Что это – настоящие боевые отметки или следы военных экспериментов, о которых парни ничего не помнят?

– Знаешь, с одной стороны, я мечтаю, чтобы тебе больше не было мучительно больно вспоминать, но с другой – хочу, чтобы ты меня помнила. Я, наверное, эгоист? – На мгновение он смущается, но тут же его лицо принимает прежнее выражение.

– Ты не эгоист, – отвечаю я. – Обещаю, что постараюсь вспомнить.

«А если не вспомнить, то узнать заново», – добавляю мысленно.

Шон укладывается на кровать и, сложив руки за голову, глядит на растрескавшийся потолок.

– Артур не звонил? Как там Ник? – спрашивает он.

– Нет. – Я подтягиваю сумку к ногам, высыпая ее содержимое на кровать и принимаюсь внимательно рассматривать. – Кстати, я хотела поговорить с тобой про Ника...

– А что с Ником?

– Тебе не кажется странным, что он один из вас? – спрашиваю я, повернувшись к Шону. – Разве солдат может выглядеть так? Пирсинг, татуировки, его прическа. Ты же понимаешь, о чем я? Ни в одном военном подразделении не станут такого терпеть.

– Да, я тоже об этом подумал, – взъерошив свои коротко стриженные волосы, отвечает Шон. – Но у Лаванта такой же жетон, как и у нас. И он тоже ничего не помнит.

– Или притворяется, что не помнит, – бурчу я, перебирая содержимое сумочки и рассматривая каждый предмет, потому что хочу узнать, кто она – я. Вряд ли состав косметички может много сказать о хозяине, но нужно хоть чем-то занять руки. – Мне кажется, не стоит ему доверять.

– Что ты предлагаешь? Выгнать его?

– Не знаю, но надо быть осторожными.

– Он один из нас, Ви, а солдаты своих не предают, – бровь Шона дергается вверх, словно осуждая.

Я демонстративно закатываю глаза. Господи, до чего же Рид правильный! И наивный!

– Шон, не все такие, как ты.

Я открываю кошелек и вытряхиваю оттуда содержимое.

Внутри одного из отделов лежит небольшая фотография, и я подношу ее к глазам.

На ней я еще совсем девчонка, худая, несуразная, с забавным хвостом на макушке. Ссутулившись, стою возле старого каменного фонтана, часть бортов которого разрушена временем, а основание затянуто коркой малахитово-зеленой плесени. Рядом со мной четверо мальчишек не старше двенадцати. Пасмурное небо, затянутое низкими грозовыми тучами, создает гнетущее впечатление, но, несмотря на погоду, все весело улыбаются в камеру. Ребята одеты в одинаковую защитную форму и коротко подстрижены. Я узнаю как минимум трех из них! Прищурившись, рассматриваю лица, пытаюсь отыскать черты сходства со взрослыми версиями.

Шон, как и сейчас, выше остальных. Смотрит прямо в камеру, улыбаясь своей фирменной широкой улыбкой. Ник, в отличие от себя нынешнего, выглядит почти нормально. Одна его рука лежит на плече Арта, а кисти замотаны белыми бинтами. Кавано же, помимо светлых волос, выдают светящиеся круглые глаза с расходящимися от них лучиками и фирменные ямочки на щеках, придающие ему вид шкодливого младенца. Но взгляд останавливается на четвертом мальчишке. У него темно-русые волосы и широкие густые брови. Он стоит ко мне ближе всех, и я с удивлением обнаруживаю, что мы держимся за руки, переплетя пальцы.

Странно, что из всех фотографий, что могут храниться в бумажнике, я выбрала эту. Бессмыслица какая-то! Со стоном

падаю на подушку, закрывая лицо ладонями.

– Ты в порядке?

Шон осторожно прикасается к моей руке, будто хочет успокоить, но на самом деле скорее опасается моей реакции. «Клянусь, если он еще хоть раз спросит все ли в порядке, я его ударю», – мысленно раздражаюсь я, но, убирая руки от лица, мило улыбаюсь и киваю. Тут же, в ответ на мое лицемерие, в голове раздается голос: «Мы с тобой абсолютно одинаковые. Вот почему я вижу тебя насквозь. Никто из нас не показывает свою истинную сущность. Так что мы оба притворяемся». Я отмахиваюсь от его слов, как от назойливой мухи.

Шон наклоняется вперед, опасаясь нового приступа, и не сводит с меня глаз.

– Взгляни, – протягиваю ему фотографию и ожидаю реакцию, покусывая губы. Пару минут он молча рассматривает карточку, не произнося ни слова. И пока он анализирует ситуацию, я прихожу к выводу: все, что делает этот парень, имеет цель и необходимость. Каждый его шаг планируется заранее, каждое слово тщательно продумывается и взвешивается. Слово цели его жизни – ни минуты не потратить на лишние действия или пустые рассуждения.

А я не такая. Мне кажется, что не такая. Но не зря, ведь, говорят, что противоположности притягиваются?

– Зато мы теперь знаем, что Николас действительно один из нас, – возвращая мне фото, Шон откидывается обратно

на подушку. – По крайней мере, в том возрасте он выглядел нормально.

Я фыркаю.

– Прекрасно! Но когда я окажусь права, не говори, что я тебя не предупреждала!

Шон вздыхает, а я поворачиваюсь на бок, подкладывая руку под голову, и пользуюсь возможностью получше его рассмотреть.

– Ты что-нибудь помнишь из своего детства? Родителей, друзей, может, свою собаку?

– Нет. – Он протягивает руку к ночнику, выключает его, и комната погружается в темноту. – Такое чувство, будто я только родился. Сразу взрослым. Звучит глупо, но это так.

– А вот Ник помнит, – намеренно делая ударение на имени, говорю я.

– Снова ты за свое, – усталость явно слышится в его голосе.

Ну почему так? Миллион вопросов, как пчелиный рой, атакует мой разум, Рид же, как остров невозмутимости, молча продолжает пялиться в потолок.

– Подумай сам, ведь это странно, что у меня в кошельке лежит ваше фото. Ни отца, ни матери, а давнишняя фотография. Что-то важное случилось тогда... в детстве. И Ник единственный это помнит.

– Я не знаю, Ви.

Кажется, терпению приходит конец.

– Спроси его сама, раз уверена, что он помнит.

– Пф-ф, несмотря на то, что сейчас я не доверяю своей памяти, словам Ника я не доверяю еще больше!

– Давай спать, – произносит Шон, зевая. – Через пару часов рассвет, а утром надо решить, что делать дальше. Поговорим после.

Он прав. Я так устала, что вряд ли я смогу заставить мой разум разобраться в случившемся. Возможно, в предложении Шона обратиться к Нику есть разумное зерно. Вдруг тот и правда что-нибудь расскажет. «Конечно, если подфартит нарваться на его хорошее настроение, – думаю я, натягивая повыше одеяло. – А если уж совсем повезет, то, может, он даже врать не будет. Ладно. Выясню завтра», – решаю я, ставя окончательную точку на своих размышлениях. Откидываюсь на подушку, наполнитель в которой сваялся колом, и пытаюсь заснуть. Ворочаюсь с боку на бок, считая ребрами впивающиеся пружины, но сон так и не идет. После обнаруженной очевидной связи между мной и ребятами я еще больше задумываюсь о четвертом парне. Где он сейчас? Все ли с ним в порядке? А вдруг он тоже был в поезде, и мы просто разминулись?

Я закрываю глаза, мечтая, что утром проснусь в своей постели (где бы она ни была), а все произошедшее окажется дурацким сном. Перед глазами еще несколько мгновений мелькают мутные образы, а потом разум отключается.

Вокруг совершенная темнота, пахнет затхлостью и мощными средствами. Я оглядываюсь по сторонам, но вижу лишь контуры предметов, так как в помещении отсутствуют окна. Вокруг горами возвышаются баки и металлические стойки со сложенными на них вещами. Сделав пару шагов, я спотыкаюсь о швабру и тихо ругаюсь под нос. Пустое ведро падает и с гулким стуком откатывается к стене.

– Не убейся, ради всего святого!

Услышав смешок, я поворачиваю голову и вижу мужской силуэт. Да, судя по низкому смеху, это определенно должен быть парень. Он сидит на полу, прижавшись спиной к двери и согнув ноги в коленях.

Я пихаю подошву его ботинка носком своего.

– Это по твоей вине мы заперты тут. Возможно, на всю ночь, – наиграно спокойно говорю я и тут же добавляю: – Надеюсь, хоть мальчикам, в отличие от нас, сейчас весело.

– О, им определенно весело, – ухмыляется он. – В компании девчонок из института искусств тем более. Они наверняка уже в кинотеатре.

– Где должны были быть и мы, – продолжаю я. – Если бы не твоя вечно ищущая приключений задница.

– Прекрасная задница, должен отметить.

– Спорно.

Медленно подхожу ближе, и парень опускает ноги, вытягивая их перед собой. Я сажусь сверху. Он проводит руками по моей спине, задирая свободную футболку вверх и касаясь

кончиками пальцев ребер.

– Через неделю в университете устраивают бал, – говорю я, скрепляя руки в замок позади его шеи. – Но мы конечно же не идем.

– Романтика не для нас, – отвечает он.

– Ты прав. Сдался этот дурацкий бал? К тому же, – заигрываю я, – ты совершенно не умеешь танцевать.

Парень смеется.

– Это ты еще не слышала, как я пою.

– Неужели хуже?

Он наклоняется к моему уху и скорее шепчет несколько строк по-французски, чем напевает. У него нет ни слуха, ни голоса, а я не могу понять смысл, но слова кажутся самым прекрасным из всего, что я слышала.

– Боже, я люблю тебя, но ты и правда ужасен, – смеюсь я.

Его губы пробегают по моей шее, осыпая ее легкими поцелуями как раз под ухом, и кажется, что комната вращается подобно карусели в парке развлечений.

– Скажи еще раз. Я люблю слушать, как ты это произносишь.

– Что именно? Что ты ужасен?

– Ты знаешь, что... – довольно улыбается он.

– Я. Люблю. Тебя, – шепчу, с придыханием проговаривая каждое слово.

– Я тоже тебя люблю. С ума схожу. – Мягкие губы каса-

ются моих, осторожно прикусывая кожу, а руки притягивают ближе. И он выдыхает, прислонив палец к губам, словно выдавая свой самый большой секрет: – Французский язык может спасти все. Даже самое жуткое пение...

А потом целует намеренно медленно, дразня и растягивая каждое мгновение. Я нахожусь подол его рубашки и начинаю стягивать ее через голову.

– Я бы с гораздо большим удовольствием посмотрела сегодня вечером обещанный фильм, – решаю поиграть я. – Но ладно, и ты сгодишься.

Он смеется, склоняется ко мне и прижимает губы к уху.

– Лунья, – шепот обдает кожу волной горячего воздуха.

Парень стягивает с меня футболку, бросая в сторону, и скользит пальцами под бретельки бюстгалтера. Мы одновременно тяжело вздыхаем.

«Безумие». Это первое слово, которое приходит на ум, когда кончики пальцев касаются голой кожи, кружа, лаская и рисуя на ней узоры. Именно так я бы рассказала о нас, если бы писала книгу. Рваными фразами. Меткими словами, в которых заключено все.

Жар и холод. Тяжелые вдохи и трепет ресниц.

Мне нравится, как мы цепляемся друг за друга. Нравится бросать вызов и принимать его. Чувствовать, как эта сумасшедшая химия кипит, возбуждает, заводит, словно нити протягивая между нами, не разрубить, не разрезать.

«Жадность». Это слово стало бы вторым, о котором

я думаю, когда влажный язык пробегает по моим губам и, сжимая пальцами жесткие мужские волосы, я тянусь навстречу.

Дыхание раскаленной волной опалляет кожу. Опустив левую ладонь на мою грудь, парень стонет, его правая рука проскальзывает под юбку. С губ срывается стон. Я выгибаюсь ему навстречу и прикрываю глаза. Хотя какой в этом смысл? Темнота полная.

– Тише, – выдыхает он. – Твой отец убьет меня в самом прямом смысле этого слова, если кто-то донесет, чем мы здесь занимаемся.

Я слышу, как расстегивается ремень, шуришат брюки, металлическая пряжка звонко ударяется о каменный пол, эхом отражаясь от стен.

– Скажи это себе, лейтенант, потому что в прошлый раз из нас двоих ты был куда громче.

Я чувствую его ухмылку, сильные руки впиваются в мои бедра, привлекая ближе.

– Не может быть, – говорит парень, качая головой, вплотную прижимая к себе, чтобы я отчетливо почувствовала его возбуждение, и с вызовом шепчет: – Первая продуешь. Спорим?

Разве могу я остаться в долгу? Конечно же, нет. И выдыхая в его губы, шепчу:

– Рискни.

Болезненный импульс в висках заставляет распахнуть гла-

за. Я кручусь, запутавшись в простынях, не сразу понимая, где, вообще, нахожусь. Воспоминания еще сильны, но словно туманная дымка начинают рассеиваться, и я хочу собрать их, как утреннюю росу в ладонь, закрыть и запечатать в разуме. Крепко зажмурившись, замираю без малейшего движения, надеясь вновь погрузиться в сон, чтобы узнать, что будет дальше. Но напрасно.

В комнате жарко, белье липнет к телу. Поворачиваю голову и, глядя на мирно спящего на соседней кровати Шона, понимаю – вчерашний день был правдой. Но чем же тогда был сон? Я видела все так четко, так правдоподобно. Вдруг это действительно случилось? Со мной. С нами.

Я поворачиваюсь, разглядывая спящего Рида, и улыбаюсь широко, как никогда. Подношу руки к лицу, до сих пор ощущая, как от его прикосновений все внутри трепещет. Натягиваю одеяло повыше и прячу глупую улыбку.

Осколок 4. Омела

Меня будит негромкий шепот. Требуется пара секунд, чтобы осознать, смириться с обстоятельствами и заставить себя принять факт, что случившееся – реальность. Встать и что-то делать дальше, потому что новый день уже наступил. По ощущениям, прямо на меня. Все тело ломит, как при начинающемся гриппе, а в висках поселилась боль, давящая на веки.

В комнате горит ночник, а шторы задвинуты так, что ни капли солнечного света не проникает внутрь. Парни тихо беседуют, и на миг становится обидно, что они не разбудили меня поделиться дальнейшими планами. Я лежу не двигаясь и практически не шевелясь, вслушиваясь в их шепот.

– Надо вернуться в город, – произносит Шон так, словно его слова не подлежат возражениям. – Ключи к пониманию того, что произошло, находятся там.

– Ключи, ха... – веселится Арт.

– Зная себя, я бы не стал так отчаянно делать ноги, если бы не было необходимости, – перебивает Ник. – И почти уверен, забрал бы все ключи с собой, – намеренно делая ударение на последней фразе, настаивает он. – Чем дальше, тем безопаснее.

– Я могу вернуться туда один, если кто-то из вас согласится остаться с Виолой, – предлагает Шон.

Ник его игнорирует, проходит мимо моей постели и, вытянув длинные ноги в потертых джинсах, усаживается в то самое кресле, где я сидела вчера, пока его зашивали.

– Вставай, принцесса, всем и так понятно, что ты уже не спишь, – произносит он.

– Не называй меня так.

Съездившись под пристальным взглядом, я натягиваю одеяло до подбородка, потому что одета только в футболку Шона.

– Так не веди себя соответственно, – перекидывая ногу на ногу, отвечает Ник.

– Почему бы тебе не отвалить?

Арт посмеивается, с любопытством наблюдая за нашей перепалкой.

– Может, хватит? – не выдерживает Шон. – Раз ты все слышала, что думаешь? Стоит ли возвращаться назад?

Мне кажется, я отвечаю без эмоций, но недовольство все равно просачивается, как вода сквозь трещинки в камне:

– Я пропустила большую часть разговора, ведь вы не разбудили меня. Как я могу в этом случае хоть что-то предложить? – схватив свои брюки, натягиваю их под одеялом.

– Ты не пропустила ничего важного, – лениво отвечает Ник, разглядывая фотографию, которую я вчера оставила на тумбочке.

Даже факт, что он взял ее без разрешения, раздражает.

– Я могу остаться с Виолой, пока вы вдвоем вернетесь в

город. – Вклиниваясь в разговор, Арт проскакивает между мной и Ником, забирает у него из рук фото и плюхается на свободную кровать, отчего ее каркас противно скрипит. – Думаю, мы поладим. Как считаешь? – Он поворачивается в мою сторону и заговорщически подмигивает.

Я пытаюсь улыбнуться, но выходит криво.

– Отлично. На том и сойдемся. Кто-то что-нибудь вспомнил? – спрашивает Шон.

Я опускаю глаза и молчу, потому что не собираюсь обсуждать сцену, которую видела ночью. К тому же сомневаюсь, не явилась ли она плодом моего воображения.

– Только незначительные детали, – отвечает Ник, опираясь локтями на колени. – Ничего важного.

– Ха! Вот этот красавчик, определенно, я, – широко улыбаясь, Артур тычет в фото пальцем. – А насчет тебя не уверен, с короткими волосами сложно понять, – указывает он на Ника. – А это кто? Вот этот, четвертый?

Он подносит фотографию к глазам, будто пытается угадать в маленьком мальчике кого-то хорошо знакомого.

– Да какая разница, может, случайно в кадр попал, – Ник отворачивается в другую сторону. – Факт в том, что мы там все вместе. Значит, знакомы много лет.

«Интересно, он пытается убедить в этом остальных?»

Привычное безразличие на его лице сменяется неловкостью или опасением, а может, и тем, и другим, и становится интересно, что именно он вспомнил. Можно назвать это па-

ранойей, но я уверена, у Ника есть секрет, с которым он не готов расстаться. И я намерена выяснить, что это за тайна.

– Чувак, а ты видел, что Ви здесь выше тебя? – ухмыляется Артур, проворачивая карточку.

Я тоже заметила этот забавный факт. Виола на фото выглядит гордой, что на несколько дюймов опережает парней. Всех, кроме Шона, разумеется.

– Как и тебя, впрочем, – парирует Ник. – Думаю, надо избавиться от машины и найти новую. А потом на время залечь на дно. Среди твоих вещей было что-то еще важное? – обращается он ко мне.

– Больше ничего. – Я пожимаю плечами.

Не зная, как еще помочь в расследовании обстоятельств побега, принимаюсь нервно крутить кольцо. Оно мне немного велико, так что легко делает оборот, стоит едва подтолкнуть.

Ник продолжает:

– А еще не помешают патроны. Надо бы сориентироваться, где их раздобыть.

– Сколько у нас денег? – спрашивает Шон, прислонившись к комоду и засунув руки в карманы.

Арт попеременно заглядывает во все ящики стоящей рядом с кроватью тумбочки, словно планируя там что-то найти.

– Несколько сотен и карточки.

– Карточки отпадают сразу, – отрезает Ник.

– А у меня ничего, только серьги и кольцо. Если что, можно сдать. – Я снимаю его и зажимаю между пальцами, поднимая к свету. И тут замечаю, что на внутренней стороне выгравирована надпись.

«...влюбиться² 0929 Хэлд»

От неожиданности я замираю.

– Шон, дай свое кольцо, быстро!

Соскакиваю с кровати и подбегаю к парню.

– Вдруг на нем тоже что-то написано.

Он достает из кармана руку и пытается снять золотой обруч, но тот застревает, проходя через сустав. С некоторым усилием кольцо все же слезает с пальца, и я, разворачивая его к свету, читаю вслух:

«**Мы все падаем...**»³

Что это значит? Бессмыслица какая-то.

– Мы все влюбляемся! – восклицает Арт, хлопнув ладонью по колену, и в ответ на наши удивленные взгляды, поясняет: – Если соединить две фразы вместе, то получится «**Мы все влюбляемся**»⁴. Что ж, миленькая надпись для обручальных колец.

– Это не обручальные кольца, – произносим мы с Шоном одновременно.

– У нас разные фамилии, – добавляет он, хотя, по сути,

² «...in love» (англ.).

³ «We all fall...» (англ.).

⁴ We all fall in love. Фраза меняет смысл, если соединить ее фрагменты.

кому из парней до этого есть дело?

– Двадцать девятое сентября? – нервно постукивая костяшками пальцев по тумбе, интересуется Арт. – Дата помолвки? Знакомства?

– Не знаю, – разочаровано качаю я головой и плюхаюсь обратно на кровать, зажав кольца в кулаке. Либо все, что нас окружает, – подсказки в какой-то неведомой игре, правил которой я не знаю, либо я просто медленно теряю рассудок.

– Это день моего рождения, – поясняет Артур. – Может, вы познакомились у меня на вечеринке?

Шон напряженно ходит из одного угла в другой. Его брови нахмурены, а губы сжались в тонкую линию. Кажется, что этот разговор начинает его напрягать.

– Ладно, не будем терять время, – произносит он. – Сначала разберемся с машиной, дальше посмотрим по обстоятельствам! Идем!

Ник, перекидывая куртку через руку, поднимается следом.

– Куда мы? – спрашиваю я.

– Ты остаешься с Артуром, – отвечает Шон громко и четко.

– Но может, я смогу быть полезной?

– Для тебя так будет безопаснее, – он смотрит прямо на меня, и по взгляду ясно, что этот вопрос больше не обсуждается.

А потом закрывается дверь, они исчезают.

Камбрию захлестывают непрекращающиеся дожди. Иногда со снегом, мелким и колким, словно крошечные ледяные ножи падают с неба; временами проливные, норвящие затопить каменные улицы, на которых отсутствуют канализационные сливы.

Западная часть Великобритании всегда отличалась повышенным количеством осадков, но в эти дни будто десятикратная норма, отмеренная чьей-то щедрой рукой, изливается на головы местных жителей, превращая тротуары в реки, и разглядеть просвет в темной завесе туч – сродни подарку на Рождество.

Вот только смотрю я на все это по маленькому старому телевизору, потому что Шон строго настроено запретил покидать номер. Два дня подряд они с Ником уходят ранним утром и возвращаются за полночь. Я не знаю, чем именно они занимаются, мы же с Артом предоставлены сами себе.

Общаться с ним – как играть в пинг-понг, с одним только отличием – сколько бы фраз ты в него не бросал, обратно вернется в три раза больше. Со словарным запасом у парня большие проблемы, но это не мешает ему говорить почти без умолку. Громко, эмоционально, сбивчиво перескакивая с одной темы на другую, иногда даже подпрыгивая от восторга. И на удивление, спустя пару часов, улыбаясь от уха до уха, ты ловишь себя на мысли, что не можешь от разговора оторваться.

Похожий на сказочного эльфа, с небесно-голубыми, по-детски распахнутыми глазами и пепельными волосами, которым многие девчонки позавидовали бы, он не пытается строить из себя «крутого парня», не старается тянуть одеяло на себя, как это постоянно делают Шон и Ник. И эта легкость мне нравится.

В первый день Арт выпросил у хозяев гостиницы все настольные игры, которые смог унести, и за двое суток я пятнадцать раз обыграла его в шашки, трижды в шахматы и девять раз выиграла в Монополию. В Скрэббл он играть отказался сразу, несмотря на то что я настаивала. Видимо, побоюсь, что его счет станет еще более разгромным. Но зато в Дженге ему не было равных. И если бы не случайно захлопнувшаяся дверь ванной, мы бы так и не узнали, насколько Артур талантлив во всем, что касается ловкости рук.

С гордостью, присущей каждому парню, умеющему делать что-то лучше остальных, он ловко вскрыл замочную скважину разогнутой скрепкой, но когда, припомнив угнанный автомобиль, я спросила, где он этого нахватался, внезапно потупил взгляд и пожал плечами. Вопрос был риторическим, просто мысли вслух, но я заметила, он его задел, поэтому с великим рвением попросила научить и меня. К концу второго дня в наших номерах не осталось такого замка, с которым мы не смогли бы справиться.

– Арти, ну пожалуйста, – взмолилась я, в очередной раз пытаюсь уговорить его выпустить нас из номера. Еще сутки

взаперти, и можно чокнуться. К тому же на небосводе наконец появляется Солнце.

– Не зови меня так. Звучит, как собачья кличка, – заваливается он на кровать, закинув руки за голову.

Я успеваю вытащить из-под его спины карточки от Монополии, пока не помялись.

– Мы с тобой это сто раз обсуждали. Ты видела своего «бойфренда»? – уточняет Арт, изображая пальцами в воздухе кавычки. – Если с тобой что-то случится, он кишки из меня выпустит и на фонарный столб наматает. А я хочу еще пожить.

Где-то неподалеку гудит железная дорога. Именно из-за нее я вначале решила, что этот район из неблагополучных, таких, где по ночам раздается пьяный смех, а повсюду разбросаны пустые бутылки и пахнет сигаретами. Но ошиблась. Вокруг чисто и тихо. Единственный источник шума здесь – Артур, обычно о чем-то трещащий фоном, но сейчас он молчит. Открывает журнал, который подобрал в холле мотеля, всем видом показывая, эту тему обсуждать больше не намерен. Я грустно вздыхаю, сажусь на кровать и, обняв декоративную подушку, утыкаясь лицом в стертую надпись «Сделано в Китае».

– Тебе не кажется, что Шон меня игнорирует? – тихо спрашиваю я. – Не могу с ним поговорить уже который день.

Отвернувшись к окну, я размышляю над тем, чего больше в моем чувстве к нему: возникшей неловкости из-за наде-

тых на пальцы колец, благодарности за то, что он рядом, или сексуального влечения? Наверное, всего поровну. Мы вместе, но при этом нам все приходится начинать с начала. Признаюсь, это даже интригует. Бывает, посмотришь какой-то фильм или прочитаешь книгу, и мечтаешь забыть все, чтобы заново насладиться оставившим в душе след сюжетом. С нами сейчас происходит что-то похожее. Разве что оказались мы в боевике.

– Может, помолвка в столь раннем возрасте его испугала? Учитывая, что мы не знаем, есть ли у нас дом и работа, вполне возможно так и есть. Да и вообще хоть образование какое-то. Арти, для парней помолвка – это шок?

Арт, нахмурившись, продолжает листать журнал.

– Арт, – тычу его пальцем в бок. – Ты меня слушаешь?

– Что? – поворачивает голову парень.

– О чем задумался? – спрашиваю, видя не свойственное ему серьезное выражение лица.

– Да так, ни о чем, – выдавливает он скупую улыбку. – Просто мысли. Обычные мужские мысли.

– Что, правда? Они реально существуют?

Арт, ухмыльнувшись, выхватывает из моих рук подушку и бьет ею меня по голове. Схватив с кровати другую, я замахи-ваюсь, но Кавано перекатывается волчком и сжимает мои запястья, ловко обездвиживая. Смеясь и изворачиваясь, я пытаюсь отбиться, попадая по чему придется и, когда Артур наконец меня отпускает, укладываюсь на бок, опираясь на

локоть и внимательно за ним наблюдаю.

– Ну, а правда, Арт, о чем?

Он пожимает плечами, пытаюсь подобрать нужные слова.

– Просто подумал, что у тебя есть хотя бы сообщения в телефоне и фотография. У Ника детские воспоминания. У Шона часы от отца («Надо же, а я до сих пор об этом не знаю»). У меня же, вообще, ничего, – устало вздыхает он, подкладывая под голову подушку. – Почему я не помню своих родителей, но точно знаю, в какой последовательности взламывать сейфовый замок и какие провода использовать, чтобы завести машину? Я не уверен, есть ли у меня братья или сестры, но зато с закрытыми глазами могу отличить Браунинг от Беретты. Что у меня была за жизнь такая, а, Ви?

– Может, у тебя есть семья и прямо сейчас родственники тебя ищут? – Я касаюсь рукой его плеча в попытке подбодрить.

– А может, и нет. Может, я им не был никогда нужен.

Я смотрю на его непривычно грустное лицо не в силах и слова проронить. Просто не знаю, что сказать. Но от того, как щемит сердце, понимаю, за эти несколько дней он настолько естественно стал частью моей жизни, что сама могу с трудом в это поверить.

– Не вешай нос, Арти. Не все так плохо. – Хотя я сама в это не верю, но очень стараюсь. – Или ты что-то вспомнил?

– Нет, – качает он головой, – но я говорил с Ником. Он уверяет, что мы дружим уже давно. Помнит, как познакоми-

лись. Уже тогда я промышлял мелкими карманными кражами. Звучит не сильно радужно, верно?

– Ох! – Я прикусываю губу, – мне очень жаль. Но это лучше, чем полная пустота, правда? Как много он тебе рассказал?

– Только фрагменты. И в его воспоминаниях нет моих близких. Вообще никого.

– Но это не мешает тебе надеяться. Вдруг Ник просто их не запомнил или ошибся?

Повисает пауза, и я протягиваю ему руку.

– Давай-ка выбрось это пессимистичное дерьмо из своей светлой головы. Я приготовлю нам по кружке чая, прикончим упаковку круассанов, которые Шон вчера притащил.

– Ни грамма не оставив тем двоим?

И я хитро прищуриваюсь. Арт протягивает руку, чтобы скрепить наш уговор рукопожатием.

– Да с тобой опасно иметь дело, Кавано.

Он лукаво улыбается в ответ:

– Я знаю.

Так мы и стоим, лыбясь и глядя друг на друга, когда дверь открывается и на пороге появляется Ник. В его руках спортивная сумка, на лице как обычно пренебрежение, в глазах усмешка, и я с недовольством отвожу взгляд в сторону.

– Плохое настроение, Ви? Прямо с самого утра? – произносит он, не дожидаясь приглашения и, бросая сумку в угол, переступает порог номера.

– Нет, что ты. Добро пожаловать в нашу милую домашнюю тюрьму.

– Как приятно, что ты ценишь усилия Рида по твоей защите.

На его лице появляется уже знакомая тень улыбки. Он сует руки в карманы, задирает подбородок и пренебрежительно рассматривает бардак, что мы с Артуром устроили.

– Собирайтесь. Мы с Шоном решили, что пора сменить обстановку. По дороге заедем за продуктами. Мы нашли неплохой дом.

– Толпа – лучшее место, чтобы остаться незамеченными, – нечто подобное произнес Шон, тыкнув пальцем на карте в огромный магазин, состоящий минимум из пяти этажей, каждый размером с футбольное поле.

Убрав прилипшую прядь со лба, я встаю на носочки, выглядывая из-за плеч парней, чтобы осмотреть торговый зал целиком, следом за ними прохожу сквозь стеклянные двери и оказываюсь в самой гуще людского муравейника. Магазин, щедро украшенный к приближающимся праздникам, шумит и кипит. Календарь скинул большую часть своих листов, неумолимо приближая Рождество, и горящие вывески, призванные напомнить горожанам о том, что подарки еще не куплены, ярко вспыхивают перед глазами.

Договорившись встретиться у выхода, Ник уходит в противоположную сторону, а мы с ребятами отправляемся в су-

пермаркет купить необходимые на первое время продукты. Теперь нам придется готовить самим. Хотя, предполагаю, мне придется!

Изучая стеклянные витрины, я двигаюсь следом за Шоном, толкающим металлическую тележку вдоль прилавков. Арт на противоположной стороне зала выбирает... да кто его знает, что он там выбирает. Это же Арт.

– Боже, неужели мы, наконец, одни? – ляпаю я первое пришедшее в голову, и Шон поворачивается, вопросительно на меня глядя. За те два дня, что мы с Артом провели в отеле, я виделась со своим парнем буквально пару раз по полчаса. Дошло до того, что он даже переехал в номер к Нику, чтобы, как сам выразился, не будить нас поздним возвращением и ранним подъемом.

– Повтори, пожалуйста, я тебя не расслышал.

Я рассматриваю крошечную родинку возле его глаза, периодически залипая на длинные светлые ресницы. Невольно представляю, как мы ходили по магазинам раньше. Спорили, что приготовить на ужин, чтобы в итоге заказать китайскую еду и вместо кухни провести вечер у телевизора. Или совсем за иным занятием... Щеки моментально краснеют, но в голову вдруг приходит мысль.

– Шон, а ты любишь музыку?

Он пожимает плечами, принимая из моих рук банку с вялеными томатами.

– А петь? – Любопытство буквально сжирает меня изнут-

ри. – Может, помнишь пару строк какой-нибудь песни...

Рид озадаченно поднимает брови.

– Я! Я обожаю петь! – раздается позади голос Арта.

Он проскальзывает мимо, кидая к продуктам в корзине не меньше дюжины пачек спагетти. Режим надоедливого соседа активирован. Я бросаю в его сторону взгляд, предвещающий жестокую расправу, если он продолжит в том же духе. – Ладно, ладно, – демонстративно втягивая голову в плечи и выставляя вперед руки, он резко понижает голос до шепота и снова скрывается в соседнем ряду, жестом показывая, что его рот на замке.

– Так что? – снова задаю я вопрос.

Шон потирает рукой подбородок, на секунду задумавшись, а потом, качая головой, уверенно произносит:

– Нет, я не умею петь.

И разворачивает тележку к кассам.

– Ты уверен?

– Абсолютно, – заявляет он. – Не знаю, откуда эта уверенность, но ни чувством ритма, ни голосом не обладаю точно.

Мысли лихорадочно мчатся по коридорам памяти, пытаюсь воспроизвести момент из сна. «Все сходится!» – добавляю я еще одно совпадение в копилку подтверждений нашей любви. Тот парень не просто не умел петь, делал это ужасно!

– Ви, не отставай!

Рядом раздается знакомый смешок. Оторвавшись от огромного лосося, я поднимаю глаза и вижу, как Артур, стоя

в соседнем ряду, указывает на что-то Шону. Тот хмурится и отрицательно качает головой. Я пытаюсь понять, что именно он пытается сказать другу, и перевожу взгляд вверх, именно туда, куда указывает Кавано.

Зеленая ветка омелы с острыми краями и белыми круглыми зернами висит у нас с Шоном прямо над головой.

– Неужели это та самая ветка поцелуев? – тянет Арт, его глаза лукаво блестят, а уголки губ ползут вверх, словно никакая сила не сможет их удержать.

– Артур, прекрати, – предупреждает Шон.

Но Арт так сильно закатывает глаза, что, кажется, ему больно.

– Прямо сейчас вы двое стоите под омелой, – тыча в нас пальцем тараторит он.

Его глаза загораются, на щеках появляются ямочки, а значит, ничего хорошего можно не ждать.

– Считается, если поцеловаться под ней со своим возлюбленным, то это будет поцелуй длиной в жизнь. Ну же, это старинная английская традиция, ее нельзя нарушать!

– Не обращай на него внимания, – произносит Шон, умудряясь сохранять каменное выражение лица. – Все эти традиции – полная ерунда.

Он отнекивается, как может, но ведь можно и не сопротивляться вовсе? Честно говоря, никогда еще не чувствовала себя более глупо. Я считала, мне придется даже немного «побегать» от своего внезапно появившегося жениха. Все же

кольцо на пальце дает ему некоторые «права», но, похоже, он даже не собирается меня «догонять».

– Ребята, вы чего, Рождество же! – продолжает свою игру Арт. – Не заставляйте брать вас «на слабо». Ви знает, я не отстану!

Это правда. При мысли о поцелуе мое сердце начинает бешено колотиться, а в голове снова всплывают фрагменты сна. Я пытаюсь изобразить спокойствие и, повернувшись к Шону, бросаю взгляд на кольцо на пальце.

– Он прав, традиции нарушать нельзя.

Артур усмехается, не отводя глаз. Позади него проходит пожилая пара, держась за руки. Символично.

– Да глупости все это, – чересчур резко отвечает Шон, снова разглядывая разложенную на огромных осколках льда рыбу.

Тишина становится слишком громкой.

– Да. Конечно, – отмахнувшись, мямлю я. – Мы не обязаны. Тем более, раз ты не хочешь.

– Нет, – пытается оправдаться Шон. – Просто это как-то неправильно, тебе не кажется? Особенно на людях.

– А ты всегда все делаешь исключительно правильно?

– Разумеется.

– Видимо, за это я тебя и полюбил!

Удивительно, как щеки Шона вспыхивают. У меня получилось смутить взрослого парня, и должна признать, мне даже нравится.

– Я просто не хочу, чтобы ты впервые целовала меня по принуждению!

Он сжимает губы, всем видом словно говоря: «Неужели это и так не ясно?» Странно, но я об этом не подумала.

– А вдруг, как в сказке, поцелуй снимет заклятие, и мы все вспомним? – выдаю я первую самую бредовую мысль, которая приходит в голову.

– Ты сейчас серьезно? – Шон поднимает брови, потирая рукой шею.

– Давай в щеку, чтобы уговорить Арта, – поворачиваюсь я боком.

– Ладно, – тянет он и ободряюще улыбается, успокаивая мое волнение.

Понятия не имею, что находит на меня. Возможно, я хочу его немного подтолкнуть, или просто повинуюсь порыву, но когда Шон наклоняется, вместо того чтобы подставить щеку, резко оборачиваюсь и целую его сама. На мгновение мы застываем. Наверняка у меня должна остаться память о его губах. Но что-то понять я не успеваю. Шон отскакивает от меня так, будто я могу его чем-то заразить.

– Прости, – извиняется он, словно это по его вине мы столкнулись ртами, а не по моей. – Случайно вышло.

Неловко приобнимает меня рукой за плечи, но потом, осознав абсурдность ситуации, тут же отстраняется. Я глупо улыбаюсь, стараясь «держать лицо», хотя внутри разливается горькое разочарование. Зря я надеялась, что поцелуй раз-

веет напряжение между нами. Теперь все стало еще запутаннее.

– Все нормально, ты повел себя как джентльмен, решив не смущать меня на людях, – говорю я и тут же, оборачиваясь, одариваю Артура испепеляющим взглядом: «В отличие от некоторых».

Он в три прыжка догоняет нас, пристраиваясь рядом, и пока ждем очереди оплатить покупки, толкает меня в плечо. Дотрагивается пальцем до своей щеки и шепчет:

– За воссоединение влюбленных! Рождество ведь почти настало. Я был образцовым мальчиком весь этот год!

– Перестань, – смеюсь я. – Я не куплюсь на твою детскую улыбочку! Тем более Шону это явно не понравится.

– Ты разбила мне сердце, так и знай!

Я отмахиваюсь от Арта и, оставив парней у кассы, выхожу из бакалеи. Люди, груженные тяжелыми сумками, спешат покинуть магазин. Вальяжно прислонившись к стене, с пакетом в руках Ник уже ждет у выхода. Его ноги в потрепанных высоких ботинках отстукивают размеренный ритм по полу, руки спрятаны в карманы, а на голову накинута капюшон. Услышав мое приближение, он бросает взгляд из-под длинной черной челки и отходит в сторону, освобождая клочок свободного места.

Вставая рядом и опираясь спиной на стеклянную стену, я прикрываю глаза, стараясь избавиться от стыда за ужасный позор-года-поцелуй и делаю глубокий вдох.

– Бедный Шон, он просто обречен, – медленно произносит Ник. – С таким-то напором в один прекрасный день он проснется и сам не поймет, как оказался глубоко и несчастливо женат.

На его лице мелькает до ужаса довольная улыбка, которую так и подмывает стереть. Желательно хорошим подзатыльником.

– Забавно наблюдать за вами со стороны. И часто ты производишь мужчин в смятение, Ви?

Улыбаясь шире, Ник откидывает прядь волос со лба, но она тут же возвращается обратно.

– Можешь быть спокоен, по крайней мере, в отношении себя, – огрызаюсь я в ответ, скрестив на груди руки. – Такой, как ты, вряд ли заинтересует хоть одну приличную девушку.

Кажется, невозможно родиться более язвительным, противным и склочным типом. Я с трудом могу представить, что найдется девушка, способная его хотя бы терпеть, не то, что любить или спать с ним в одной постели. От этой мысли невольно передергивает.

– Огорчу тебя, но рыжие – не мой типаж.

Я не могу не рассмеяться.

– Слышишь этот звук? – наклоняюсь ближе. – Это коллективный вздох облегчения, который издали все рыжие девушки хором, что судьба их уберегла!

– Ого, какие мы серьезные. И долго этот образец сарказма ждал своего часа? – смеется Ник, пощипывая переноси-

цу, как будто у него болит голова. – Ты, наверное, ночь не спала, готовилась? Потеря памяти определенно сделала тебя креативнее!

– Что? – выдыхаю я.

– Что? – поднимая бровь, передразнивает он.

Какого..?

Но Ник тут же переводит тему.

– Я устал от тебя. Раз стоишь рядом, просто помолчи.

И пока я пытаюсь понять, был ли в его словах скрытый смысл, перед нами беззвучно, словно ниндзя, появляется Арт с зажатым в руке собственным паспортом.

– Хочу поискать в интернете о нас информацию. Может, страницы в социальных сетях, адреса, родственников, – произносит он с энтузиазмом. – Если дадите свои документы, могу и ваши глянуть.

– Только будь осторожен.

Мы с Ником отдаем паспорта, Арт уходит, а я останавливаю взгляд на Шоне. Он все еще возле кассы, помогает пожилой паре, забирает их сумки и провожает сначала к выходу, а потом и к машине. Он помогает им сесть, ставит пакеты с продуктами в багажник и поворачивается в нашу сторону. Увидев его улыбку сквозь прозрачное стекло магазина, я отворачиваюсь, потому что становится ясно, Виола не такая.

Я видела эту пару еще в торговом зале, но мне даже мысль не пришла, что нужно им помочь. А Шон заметил. Я не сочувствующая. Не отзывчивая, потому что думаю лишь о се-

бе. И не заботливая, как Шон. Часть меня чувствует вину, часть – гордость. За то, что такой, как он рядом. Наверное, за это я и полюбила его.

– Эгоистка...

К гадалке не ходи, ясно, кому принадлежит произнесенное слово. Я крепче стискиваю зубы.

– Что ты опять несешь?

Как бы ни было неприятно, но Нику действительно удается бить словом точно в цель.

– Это то, что ты подумала в эту секунду, глядя на Рида, – поясняет Ник. – Ты не одинока. Посмотри на них, – он указывает рукой на толпящихся у выхода и спешащих из магазина людей. – Таких, как Шон, не больше процента, у него это врожденное. Большинство же просто не замечают никого вокруг себя. У них на глазах шоры.

Я не хочу говорить на эту тему. Меня бесит, что Ник так обо мне думает, но еще больше раздражает то, что он прав.

– Ты достал телефоны? – спрашиваю я, желая сменить тему.

Не поворачиваясь в мою сторону, он протягивает пакет с четырьмя коробками внутри. Самые простые кнопочные, такими пользовались люди, наверное, лет пятнадцать назад.

– Господи, где ты их откопал? Да в них даже камеры нет, не то, что интернета.

– Чем проще устройство, тем сложнее его вычислить, тем более нам они нужны только чтобы друг с другом связывать-

ся, – раздается голос Шона сбоку.

Он встает рядом со мной. Его волосы припорошены снегом, а щеки покраснелись.

– Прекрасно, значит, надежда, что я смогу хоть как-то поддерживать связь с внешним миром, похоронена окончательно.

– Однозначно, – легкая улыбка появляется на губах моего парня.

Наш милый спор прерывает голос вернувшегося Артура:

– Кажется, у меня паршивые новости, – произносит он с нечитаемым выражением на лице. Тяжело сглатывает и, встречаясь со мной взглядом, протягивает листок бумаги. Я опускаю взгляд и замираю.

Рядом с фамилиями ребят в столбик написаны три даты смерти. Несколько лет назад.

Осколок 5. Поцелуй: версия 2.0

– Чувак, давай ты поведешь.

Арт перекидывает ключи Нику и садится, хотя вернее сказать, падает рядом со мной на заднее сиденье.

– Скверно себя чувствую.

– И выглядишь так же, – заводя машину, отвечает Ник.

Я глубоко вдыхаю, изо всех сил стараюсь подавить позыв тошноты. Может, я подхватила инфекцию? Только этого не хватает. Голова кружится, от запахов тошнит, но ни насморка, ни кашля нет, что кажется совсем странным.

– Ты в порядке? – спрашивает Арт. Хотя по виду сам далеко не здоров.

– Кажется, меня вот-вот вырвет.

– Может, у тебя токсикоз? – осторожно интересуется он, наблюдая, как я судорожно обмахиваю лицо подобранным в магазине журналом.

Шон поворачивается с переднего сиденья. В глазах его плещется ужас.

– Нет, точно не токсикоз, – отвечаю уверенно, даже не зная, кого больше успокаиваю – себя или своего парня. – Наверное, что-то не то съела, – поворачиваю я голову, но от одного лишь взгляда на позеленевшего Арта становится еще хуже.

– Не стоило покупать те жареные крылышки, я сразу по-

нял, что-то с ними не так, – стонет Артур, когда машина, набирая скорость, оказывается в стройном потоке автобана.

Шон открывает окно, жадно вдыхает холодный воздух. Кажется, ему становится так же плохо, как и нам. Ник же с совершенно невозмутимым видом бросает взгляд через плечо и тут же возвращается обратно к дороге.

– Почему опять ты один чувствуешь себя хорошо? – начинаю стонать я, изнемогая от несправедливости, ведь Ник ел то же самое, что и все мы.

Возможно, я параноик, но никак не могу отделаться от ощущения, что это неспроста.

– Шон, – цепляюсь я за локоть парня. – Он нас отравил! Надо что-то срочно принять, чтобы замедлить распространение яда!

Ник на месте водителя едва сдерживает смех.

– Ты серьезно? По-твоему, я так непроходимо туп, чтобы отравить всех и сесть в ту же машину? Ты меня в очередной раз удивила, Ви!

– Прекратите! – раздражается Шон, явно устав от постоянных препирательств.

Но Ник его игнорирует:

– Просто мой организм не настолько изнежен, как твой, принцесса, а желудок, уверен, способен переварить даже железные крючья.

– Видимо, поэтому ты решил нацепить пару себе на лицо?

Он перестраивается и, не сбавляя скорость, резко входит

в поворот, отчего мое сознание начинает терять равновесие с еще большей силой, а к горлу подступает комок, просящийся наружу.

– Прекрати! Ты можешь вести машину аккуратнее?

Мне так душно и плохо, что хочется уткнуться головой в чье-нибудь плечо и разрыдаться.

– Я не расслышал извинений.

– Да пошел ты!

– Останови, – тихо просит Шон, и когда Ник прижимается к обочине, быстро выскакивает за дверь, согнувшись пополам.

– Мне тоже надо подышать!

Я открываю дверь и глубоко вдыхаю аромат поля, мимо которого мы держим путь. Снег, внезапно начавшийся после обеда, крупными хлопьями опускается на лицо, застревая в ресницах и превращаясь в холодные капли на коже, приносит некоторое облегчение.

Артур разваливается на заднем сидении подобно медузе, раскинувшей щупальца в разные стороны.

– Чувак, надеюсь, Ви ошибается, – говорит он.

Ник, громко цокнув, отворачивается. Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, делаю глубокий вдох и заставляю себя промолчать. Пока. Откинув ногу Арта, занимаю свое место. Шон возвращается изрядно потрепанный и бледный и, опустив стекло, кладет лицо на руку.

Остаток пути похож на мутный туман из злости и тошно-

ты, которые я одновременно испытываю. В опущенные окна дико врывается ветер, немного успокаивая пульсирующую боль в висках и головокружение. Мы все дальше удаляемся от города – высокие дома сначала сменяются одноэтажными уютным райончиками, а потом и вовсе полями. Чем дальше мы движемся на юг, тем скучнее становится вид за окном. Когда мы наконец добираемся до места назначения, снег переходит в буран.

Дом встречает нас занесенными дорожками, темными занавешенными окнами и увядшими цветами в горшках перед дверью. Он словно спит под белым одеялом, оставленный хозяйками зимовать в одиночестве.

Я делаю шаг вперед, но Шон хватается за локоть, указывая на черный вход. «Не оставлять следов на снегу! Точно!» Он распахивает дверь, и я шагаю внутрь, изучая дом, не по собственной воле согласившийся приютить нас на время. Просторная гостиная, совмещенная с кухней, вполне способна вместить всех за одним столом. В центре комнаты камин, но сейчас он не затоплен и вряд ли будет, чтобы не привлекать внимание.

Арт присвистывает:

– Вот это хоромы.

– Не мешало бы включить отопление, – поеживаюсь я, обнимая себя за плечи и рассматривая стены с висящими на них трофеями.

Слой пыли на мебели наводит на мысль, что домик ис-

пользуется только летом. В голове наконец проясняется, и даже дышать и жить становится легче. Ребята тоже оклемались, а может, просто держатся лучше, чем я.

Ник остается парковать машину, Шон сразу же удаляется в подвал, чтобы разобраться с тем, как в доме устроено отопление, а нам с Арти велено перетащить вещи и покупки внутрь. Заполнив полки крупами и консервными банками, разложив портящиеся продукты в холодильник, я поднимаюсь наверх, попеременно заглядывая во все комнаты, пока не останавливаю выбор на самой дальней. Внутри холодно и пахнет сыростью, но это лучше, чем ночевать на улице или в дешевом отеле. Краска на дверях по краям облезла, а обои в мелкий цветочек были наклеены, по-видимому, много лет назад, так как стыки начали расходиться.

– Вы видели? Тут целый мешок картошки! – доносится снизу радостный возглас Арта. – Иди сюда!

И я спускаюсь обратно. В кухне уютно, хоть и пусто. На полу плитка цвета сурьмы, кое-где уже растрескавшаяся от времени; деревянные шкафы раскрашены терракотовыми узорами, похожими на кельтский орнамент. На полках рядами стоят пустые банки. В углу – аккуратной башней бумажные коробки, оставшиеся от хозяев. Возможно, их забыли, когда уезжали. Если включить воображение, можно представить, что мы недавно въехали и просто не успели разложить вещи.

Артур выныривает из кладовки с полной миской карто-

феля в руках. Ставит на стол и достает из ящика ножи. Ник входит в комнату, стягивая шапку и отряхивая от снега.

– Присоединяйся, – Артур толкает ногой в его сторону табурет.

– Если мы сможем поскорее поесть, то даже с удовольствием.

Ник потирает ладони, выдыхая на них теплый воздух, бросает куртку на свободный стул и садится рядом с другом. Парни хватают по картофелине. Артур чистит широкими короткими стружками, Ник снимает кожуру по кругу, закручивая ее в спираль, словно каждый раз соревнуется сам с собой, насколько длинной она может получиться.

– Тебе необходимо особое приглашение? – подбросив вверх и поймав за лезвие нож, протягивает его мне.

Я медленно опускаюсь на стул, беру продолговатый клубень, пару секунд кручу его в руках... и понимаю, что не знаю, что делать. Я не умею чистить картошку. Великолепно! Со вздохом разочарования опускаю руки.

– Все нормально? – Ник облакачивается на прихрамывающий от старости дубовый стол, который тут же кренится влево. – Ох, дерьмо! – он ныряет вниз. – Надо или подложить что-то, или остальные ножки подпилить.

Я скребу по картофелине, пытаюсь снять кусочек кожуры. Получается откровенно паршивенько, но я продолжаю, стараясь не обращать внимания на удивленные взгляды парней, и изображаю из себя если не профессионала, то хотя бы не

криворукую растяпу. Ник меряет меня взглядом, в котором издевка читается так явно, что даже можно ничего и не говорить. Я сглатываю:

– Кажется, нож затупился, – мямлю еле слышно, опустив глаза.

– Давай поменяемся, – Ник протягивает мне свой, лукаво усмехаясь, а мне ничего не остается, кроме как поджать губы и согласиться.

Артур замирает, как сурикат, наблюдая с любопытством. Ник тоже ждет, когда я возьмусь за дело.

– Ну ладно, не умею я, – развожу руками и со злостью бросаю нож на стол. – Понятия не имею, почему. И не обязательно на меня так пялиться.

– Ви, тебя никто не осуждает, – ободряюще улыбнувшись, говорит Артур. – Давай я научу.

И подсаживается рядом, показывая.

– Гляди! Большой палец упри вот так. Да, правильно. А теперь надавливай.

Кусочки кожуры летят в ведро перед моими ногами.

– Видишь, не сложно, – похлопав меня по плечу, Арт встанет и скрывается в кладовке. – Поищу кастрюлю побольше.

Старательно снимая шершавую кожуру, которая все время рвется, я наблюдаю, как длинные тонкие ленты, закручиваясь серпантинном, опускаются к ботинкам Ника.

– Как у тебя так получается?

– Что именно? – уточняет он.

– Аккуратно срезать, не порвав ни разу?

Он пожимает плечами.

– Моя стихия.

– Что, картошка – твоя стихия? – посмеиваясь, я отправляю еще пару очистков в ведро.

– Ножи, – уточняет Ник.

Я смотрю на него, ожидая объяснений. Он указывает на куртку, лежащую рядом. Внутри закреплен кожаный карман, в который вложены серебристые лезвия.

– Ого, – вырывается неосознанно. – Где ты их достал?

– Там же, где и запасные патроны. У парня своего можешь спросить, он тебе расскажет.

– Да уж, расскажет он мне, – хмыкаю я. Нож впивается в картофелину сильнее. – Вероятность, что Шон выложит, чем вы два дня занимались, пропорционально равна тому, что он поделится впечатлениями о наших прошлых совместных выходных.

– Он просто хочет тебя защитить.

Я фыркаю:

– Иногда у меня такое чувство, будто я разговариваю со стеной. Он такой строгий и серьезный. Причем постоянно, не расслабляется ни на минуту.

И зачем я это Нику рассказываю? При первом удобном случае он обернет эту информацию против меня.

– А вообще, это не твое дело, – добавляю, посылая ему взглядом забудь-все-что-я-сказала.

Вместо того, чтобы ответить, он смотрит на что-то позади меня. Или кого-то...

– Если из меня постоянно не бьет фонтан эмоций, это не означает, что их нет.

Я оборачиваюсь. Нож падает из рук.

Шон стоит в паре ярдов⁵ от нас. Слегка нахмутив брови, смотрит внимательно, как будто пытается найти ответ на свой невысказанный вопрос. И страшнее всего, находит.

Кажется, я краснею до кончиков пальцев.

– Генератор работает на последнем издыхании, но я запустил систему газового отопления, – он бросает грязную тряпку на столешницу.

Арт с кастрюлей в руках скачет мимо. Поджигает конфороку. Его нож принимается стучать о доску. Тук. Тук. Тук.

– Черт, я так голоден!

«Черт! Просто Черт!» – проносится в голове. Взгляд Шона скользит по мне, опалая стыдом. Я хочу вымолвить хоть что-то в свое оправдание, но не успеваю даже рта раскрыть, Шон уходит быстрее.

Ник берет со стола яблоко, подкидывает в воздух и, поймав с легким хлопком, откусывает кусок.

– Как неловко, – произносит он, но в голосе слышна усмешка.

Я стискиваю зубы. Начинаю медленно считать. И чтобы

⁵ Ярд – 0,9144 м.

снова не сорваться, решаю на время исчезнуть. Надо же было так напортачить!

Поднимаюсь наверх и закрываюсь в спальне, прикидывая в уме извинения.

«Послушай, Шон, я совершенно не это имела ввиду», – проговариваю, копаясь в шкафах хозяев. Знаю, чужое брать нельзя, но мне надо постирать свою одежду, было бы здорово подобрать хотя бы пару подходящих по размеру вещей на смену.

В глубине гардеробной нахожу пару пригодных джинсов и несколько свитеров. Спустя полчаса мне удается привести себя в порядок, наспех помывшись ледяной водой и закрутив в пучок волосы. Судя по запаху, наполнившему весь дом, Арт приготовил картофель с консервированной говядиной. Едим мы в тишине. И хотя выглядит стряпня ужасно неаппетитно, на самом деле оказывается довольно съедобной. Как только последние остатки жаркого исчезают с тарелок, Ник с Шоном встают и уходят.

Я тяжело вздыхаю. Все-таки обидела. Поднимаюсь и собираю посуду в уже полную раковину. Так как готовил Артур, за мной остается уборка. Сначала я с воодушевлением соглашаюсь, пока не обнаруживаю, что он, словно специально, использовал почти все чашки и кастрюли в доме.

Шон так и не возвращается. Закончив с уборкой, я ставлю последнюю тарелку в сушку, и на мой старенький телефон

приходит сообщение от Арта: «Он на заднем дворе. Просто будь помягче, Ви». Легко сказать... Я бесшумно спускаюсь на веранду. Здесь даже полы не скрипят. Накинув на плечи пальто, ступаю на расчищенную кем-то из ребят дорожку. В углу двора что-то вроде пристройки – склада. Рядом площадка для барбекю, но сейчас она занесена снегом. Ник и Шон сидят на поваленном стволе, оборудованном в скамью, что-то тихо обсуждая. Если я правильно понимаю, чистят оружие.

– Что-то случилось? – спрашивает Шон. Голос спокойный. Словно ничего не случилось.

Ненавижу, что не могу даже изобразить спокойствие, в то время, как Шона оно окутывает, словно аура. Хочется сказать:

– Какая же я дура. – Много чего хочется сказать, но выходит: – Нет, просто решила посмотреть, чем вы заняты.

Шон смотрит на меня и молчит. Я ищу в его лице хоть какой-нибудь признак обиды, но не нахожу. Может, я опять все придумала? Или он хорошо прячет эмоции.

Словно почувствовав себя лишним, Ник встает и, заткнув пистолет за пояс, уходит в дом. Я подхожу к Шону и, присаживаюсь рядом:

– Прости, я не хотела тебя обидеть. – Украдкой бросаю на него взгляд. – Пойми и меня тоже. Ты единственный близкий мне человек, который сейчас рядом, но не разделяешь со мной проблемы.

Шон поднимает голову и тяжело смотрит в ответ.

– Просто для меня есть вещи, которые я не могу игнорировать. Например, твоя безопасность. А ты считаешь меня занудой.

– Нет, это не так. Я считаю, что мне с тобой очень повезло, – выдыхаю я, все еще ощущая вину.

Впервые задумываюсь о том, что мало о Шоне знаю. Все, что я за эти дни разглядела в нем – лишь строгость, сдержанность и крепкие кулаки, но что он за человек? Опустив свою ладонь на его, в которой зажат пистолет, провожу пальцем по металлу.

– Это тот, что ты забрал у напавших на нас?

Шон кивает.

– Беретта, девятый калибр, – и протягивает мне, предусмотрительно извлекая магазин.

– Круто, – я выпрямляю руку, ощущая тяжесть оружия, делая вид, что целюсь в забор.

Шон отвечает короткой усмешкой:

– Так ты даже с расстояния в пару метров в цель не попадешь. – Он кладет голову на ладонь, локтем упираясь в собственное колено. – Никогда в руках не держала?

– Не уверена, но, скорее всего, нет.

На его лице впервые с момента нашего знакомства появляется что-то похожее на заинтересованность.

– Хочешь научиться?

– А можно?

– Думаю, это вполне здравая идея, вдруг никого из нас не окажется рядом, так ты хоть сможешь себя защитить. – Шон поднимается на ноги и, подобрав с земли жестяную банку, устанавливает ее на дальней стенке забора. Позади только пустырь и пролесок, плавно переходящий в густой ельник, так что вряд ли я смогу кого-то нечаянно застрелить.

– Вставай! – возвращаясь, командует он и наконец улыбается так, словно попал с родную стихию.

Снимает куртку, бросая на лавку. Черный свитер обжимает его плечи как вторая кожа, и я останавливаю взгляд сначала на его груди, потом руках.

– Постараюсь обучить тебя основам. Так как у тебя совсем нет навыка, то думаю, лучше держать двумя руками. Вот так. – Он показывает, как правильно выполнить стойку.

Я послушно повторяю.

– В магазин входит пятнадцать патронов, – словно лекцию читает, поправляя широкими ладонями мои плечи. – Дальность выстрела примерно двадцать пять ярдов. Вставляешь до упора, пока не раздастся щелчок. Дальше снимаешь с предохранителя и тянешь затвор на себя.

Он подходит ближе и встает сзади, разворачивая мой корпус левым боком вперед. Я вдыхаю тонкий аромат лосьона после бритья. И этот запах затягивает, словно в трясину.

– Одна рука обхватывает другую снизу. Локти полусогнуты, плечи опущены, – он слегка наклоняется, обдавая мое ухо жарким дыханием, – указательный палец на спусковой

крючок. От правильности хвата зависит результат выстрела.

Мы соприкасаемся телами. Шон накрывает мою руку своей. Через несколько секунд отпускает, перемещаясь на талию, и я сглатываю, изо всех сил стараясь дышать тише. Собравшись с духом, поворачиваю голову, потянувшись вверх. Шон, заметив, в ответ наклоняется.

– Так правильно? – спрашиваю, широко распахнув глаза.

Его лицо так близко, что хочется дотронуться кончиками пальцев.

– А теперь смести оружие чуть влево и слегка наклони голову, чтобы мушка ровно встала в прорези. – Он осторожно сгибает мой корпус вперед, не убирая рук с талии и надавливая на спину большими пальцами.

– Задержи дыхание.

Я и так уже минимум пару минут не дышу. Шон наклоняется еще, щекотнув мою щеку своей.

– Между ударами сердца выдохни и стреляй!

Я поворачиваюсь к нему. Наши лица разделяют считанные сантиметры. Кажется, мы оба наконец думаем об одном и том же, потому что Шон облизывает губы. Мое сердце бьется быстрее... Он все ближе...

Три, два, один... и в момент, когда сердце пропускает удар, раздается выстрел, металлическая банка слетает с забора, а я вздрагиваю. Только я не спускала курок.

– Это могла быть твоя голова!

Твою же...! Ник! Клянусь, я когда-нибудь его убью!

– Девчонка делает тебя слабым, Рид. Рядом с ней ты теряешь бдительность.

Я глубоко вдыхаю, стараясь успокоиться, хотя внутри буквально пылаю от бушующих эмоций.

– Надеюсь, вас не раздражает правда?

«Ты меня раздражаешь», – думаю я.

Ник, облокотившись плечом на заднюю дверь, убирает пистолет за пояс и произносит:

– Я дико извиняюсь, что помешал столь «важному» процессу обучения, но Арт нашел кое-что интересное. Если вам, вообще, до этого есть дело, конечно.

Шон молчит, все еще наклонившись ко мне.

– Идея высадить его по дороге уже не кажется глупой, – не отдаляя лица от моей щеки, тихо произносит он, впервые по-настоящему разозлившись.

– А я предупреждала.

Мы неловко отходим друг от друга.

– Ник, на пару слов, – останавливает его Шон, не давая зайти внутрь, и я намеренно замедляю шаг, желая послушать. – Виола, иди, – показывает он мне рукой двигаться дальше.

Как обычно. Снова оберегает. Я захожу в гостиную, оставляя дверь слегка приоткрытой. Со стороны веранды долетают обрывки брани.

«... Какого ты лезешь?..»

Ну и конечно же, Ник не тот, кто в ответ промолчит:

«... Вместо того, чтобы сосредоточиться на том, что за дерьмо здесь творится...»

Я решаю дальше не слушать.

– Что-то нашел? – Артура я нахожу в гостиной с пультом в руках.

– Сейчас покажут! – Он переворачивает стул спинкой вперед и садится ближе к телевизору. – В анонсе объявили о взрыве на вокзале.

Хлопая дверью, Ник входит в комнату. Шон следом. Оба выглядят так, будто готовы подраться. Старый экран пару раз рябит, появляется изображение ведущей со словами: «Вечерние новости». «Продолжается разбор завалов на вокзале Эмблсайд. Стало известно, что причиной взрыва послужил незаконно используемый в одном из магазинов газовый баллон. Владелец лавки погиб на месте». Все ошеломленно замирают, чтобы осознать услышанное. Кто-то намерено уничтожает следы.

Шон умывается, пока я расстилаю постель. Так как комнат на втором этаже всего две, то нам пришлось занять хозяйскую. Мы, не раздеваясь, забираемся в кровать, впервые оказываясь так близко друг к другу.

– Как считаешь, я плохой человек? – спрашиваю тихо.

– С чего ты взяла?

– Они нас найдут и убьют, – шепчу, прижавшись щекой к

подушке. – Или в тюрьму посадят. А может, мы убили кого? Или украли что-то? Совершили международное преступление?

Шон приподнимается на локте, подпирая ладонью голову.

– Я так не думаю. Иначе наши портреты были бы уже повсюду. Что-то тут не сходится.

И я выдыхаю:

– Мне страшно.

– Мы со всем разберемся, обещаю, – говорит он, впервые обнимая. И я закрываю глаза, чувствуя себя в безопасности. И не имеет значения, что происходит за стенами этой комнаты. Хотя бы на вечер я хочу забыть.

– Знаешь, мне кажется, нам стоит начать все с начала, – тихо произносит Шон. – Шон Рид. Безработный, скорее всего бездомный, определенно мертвый, возможно, в розыске, но... судя по тому, что в возрасте двадцати двух лет обручен, имею исключительно серьезные намерения.

Я смеюсь:

– У меня есть парень. – Поднимаю ладонь, показывая кольцо, сверкающее на безымянном пальце. – И он очень ревнивый. Говорят, если кто-то посягнет на его девушку, он становится настоящим монстром.

– Серьезно? – удивляется Шон. – И кто же это сказал?

– Артур.

– Тогда все ясно. – Он мягко улыбается, и остатки моего наигранного сопротивления тают. – Но попытаться ведь,

определенно, стоило?

Я привлекаю его ближе, касаясь руками широкой линии плеч. Шон ласково поглаживает меня по щеке, и его взгляд пробирает до самого живота. В карих глазах густой туман, а сбитое дыхание только подкрепляет мысли, что он не сможет больше оттягивать поцелуй. И вдруг я понимаю, что сама на это отчаянно надеюсь.

Я прикрываю глаза, но Шон касается не губ, а мочки уха, и каждый нерв до самых кончиков пальцев зажигается, словно сто тысяч солнц. Все тело повинуется странному голоду, который можно утолить лишь одним способом, и я снова целую его сама. В этот раз он не отскакивает от меня. Наоборот, притягивает к себе и углубляет поцелуй.

Губы у него теплые. Он тихонько прихватывает ими мои, и я обнимаю его за шею. Я ожидаю быстроты и страсти, но Шон не торопится. Мои пальцы путаются в его волосах, его язык проскальзывает между моими губами, и я позволяю изучать меня, пока внизу не раздастся хлопок двери.

– Чье сейчас дежурство? – отрываясь от мягких губ, спрашиваю я.

Шон поднимает руку, смотрит на часы.

– Через пять минут мое, – между нами снова скользит неловкость. – Я, наверное, пойду.

– Конечно.

Я одариваю его на прощание целомудренным поцелуем в щеку и, отворачиваясь на другой бок, засыпаю.

– Осторожно, еще одна. – Я поднимаюсь по деревянной лестнице, а парень поддерживает меня за талию.

– Что ты задумал?

– Увидишь. Пригнись, а то головой ударишься.

Я послушно наклоняюсь, делая шаг в темноте, и оказываюсь на чердаке. Слева натянут шпагат, на котором сохнут какие-то травы, справа – металлические стойки со сложенными стопкой коробками.

– Когда ты говорил о свидании на крыше, я немного не так это представляла, – говорю я.

– Куда ты вечно торопишься? Мы еще не пришли даже, – хмыкает он. – Стой.

Одной рукой собрав мои волосы в хвост, вытаскивает из них что-то.

– Паутина, – произносит тихо, а потом наклоняется и ставит на открывшемся плече росчерк поцелуем.

Я блаженно прикрываю глаза.

– Кстати, почему я до сих пор не услышал ответ на свой вопрос?

– Задай еще раз, – дразню я, с придыханием проговаривая каждое слово.

– Просто признайся уже, тебя ужасно ко мне тянет. Всегда тянуло.

Он целует меня в шею, у корней волос, намеренно медленно, дразня и растягивая каждое мгновение. Тело тут же

откликается мелкой дрожью на прикосновения.

– Неправда.

– Что же ты тогда книжки про меня писала?

– Я писала не про тебя, лейтенант. Про гипотетический образ, всего лишь придавая ему некоторые твои черты. Не самые лучшие, между прочим.

– Что за лингвистический бред, – смеется он, руками обнимая со спины и сцепляя пальцы в замок на моем животе

Я закрываю глаза, откидывваю голову на его плечо, точно зная, что люблю его. Так же, как и он меня. А потом он тянется к локтю в крыше, открывая дверцу шире и впуская внутрь прохладный ночной воздух. Вдалеке горит маяк, а на темном небе блестят звезды. Сотни и тысячи.

И парень шепчет на ухо:

– Столько же, сколько и веснушек.

Осколок 6. Жетон

– Овсянка с изюмом или смесь из трех злаков?

– Без разницы.

– А хлеб белый или цельнозерновой?

– Наплевать.

– С тобой невероятно интересно вести беседу, – иронизирую я, огибая очередной прилавок, – да такого собеседника во всем Лондоне не сыскать.

Супермаркет в преддверии праздников похож на огромный муравейник, до упора набитый снующими туда-сюда людьми, катящими тяжелые корзины, которые на поворотах скрипят колесами и плохо маневрируют между узкими рядами. Мужчины, сверяясь с длинными списками, пытаются поскорее разделаться с «рухнувшей» на них обязанностью. Женщины же, с присущей им врожденной способностью отыскать что угодно в этом, словно созданном для них, месте, практически не глядя кидают товары в тележки. Вокруг царит суета и беготня. И лишь один человек шагает вдоль прилавков с видом абсолютного равнодушия, и, кажется, только его отвратительно острых плеч до сих пор не коснулась праздничная суматоха.

Артур остался ждать в машине, а Нику пришлось сопровождать меня. И хотя я предложила разделить, чтобы закончить быстрее, он категорически отклонил эту идею. На-

кинув на голову капюшон, из-под которого торчит длинная черная прядь, и засунув руки в карманы, он следует за мной, словно личный телохранитель. Или надзиратель. Я пока не поняла.

Шон рассудил, что лучше выбираться в город все время сменяя друг друга, чтобы нас не могли запомнить. И так как в прошлый раз мы делали покупки с ним и Артом, то сегодня пришлось ехать Нику. Рид же остался дома разбираться со сломавшимся генератором. За прошедшие пару дней мы с ним неплохо сблизились. У меня не мгновенно появились чувства к этому парню, но они, определенно, когда-нибудь появятся, ведь привязанность и страсть не возникают на пустом месте. Просто обстоятельства складываются не в нашу пользу. Сложно начинать отношения, когда для этого нет ни возможности, ни даже места, ведь Артур с Ником все время рядом.

С тех пор как Шон впервые поцеловал меня, прошло три дня. Потом он снова закрылся, спрятавшись в своей привычной молчаливой раковине, но торопить события я не решаюсь, да и не хочу, так что пока мы застряли в том пограничном состоянии, когда держаться за руки, учитывая наш возраст и статус, уже поздно, но заходить дальше поцелуя перед сном – катастрофически рано.

– Думаю, пригодится, – говорю я, доставая с полки нарезанный для тостов хлеб.

Ответом по-прежнему служит молчание. Окончательно

смирившись со своей участью, Ник берет из моих рук упаковку и кидает ее в корзину.

Оказалось, что троим взрослым парням нужно не просто много еды, а бесконечно много еды. Мы опустошили запасы кладовой хозяев (Шон заверил, что, уезжая, обязательно все вернем), уничтожили почти все, купленное в прошлый раз, опытным путем установив, что готовить я умею не лучше, чем чистить картофель. И только когда Арт основательно взялся за дело, обнаружили, что забыли купить такие важные мелочи, как, например, соль, так что новый список он составлял лично.

Закидывая в тележку продукты, я впервые за много дней ловлю себя на мысли, что все происходящее кажется... нормальным. Удивительно, как быстро человек ко всему приспособливается. Еще недавно я считала, что мое положение хуже некуда, сегодня же, как обыкновенная девушка, хожу по магазину и даже улыбаюсь. Иногда.

Прожив пару дней бок о бок с парнями, я обратила внимание на несколько забавных особенностей их поведения. Во-первых, синхронность. Каждый из них работает, как часть единого механизма, не допускающего малейших огрехов или необдуманных шагов, словно идеально подходящие друг к другу шестеренки. Все, за что они берутся, делают практически с хирургической точностью. И во главе, конечно же, Шон. Запустить неработающий прибор, починить или усовершенствовать оружие? Легко. Теперь мне ясно, почему

при первом знакомстве его руки пахли машинным маслом. Если с техникой Шон «на ты», то она явно обращается к нему «сэр», кланяясь низко в ноги. Забавно, как при внешней привлекательности, часто принимаемой за ветреность, он оказался человеком совсем не легкомысленного склада ума. И подобрать к нему ключик, сложнее, чем изначально казалось.

«Каждый справляется со стрессом по-своему, – недавно сказал мне Арт. – Кто-то разбивает кулаки в кровь, кто-то напивается, а кто-то... – он посмотрел на Шона, в третий раз за вечер чистящего свой пистолет и в ряд разложившего одну за одной детали механизма, – складывает пасьянс из кусков Глока».

– А что делаешь ты? – спросила я.

Арт улыбнулся своей легендарной улыбкой и ответил:

– Прикалываюсь. Ну, или ем.

И поставил передо мной тарелку с ароматными тостами, политыми повидлом. Что-что, а готовит он отменно! Хотя у Кавано немало и других талантов. Проникнуть внутрь здания, раздобыть денег, вскрыть машину или дверной замок – проще простого. Артур может справиться с этим, не успев досчитать и до пятидесяти.

И напоследок Ник... Его единственный талант – действовать всем на нервы. По крайней мере, ни в чем другом выдающемся он замечен не был. «До чего же нескладный тип, – подумала я, впервые налетев на него в поезде. – Тощий, вы-

сокий, да еще и словно собранный из одних углов». Но признаться, разглядев внимательно, поняла, что несколько преувеличила его внешние недостатки. Просто на фоне крепкой широкой фигуры Шона Ник казался чересчур худым. Хотя был не менее мускулистым и подтянутым, просто стройным, как английская борзая. Временами в нем сквозила даже легкая аристократическая утонченность, совсем не свойственная жителям Альбиона. Впрочем, Ник даже ее умудрялся оборачивать в заносчивость и высокомерие, так что даже внешняя привлекательность не компенсировала его невыносимый нрав.

– Шевелись, Ви.

Ну вот, я же говорила. Ник постоянно велит мне двигаться быстрее, не отвлекаться ни на что несущественное и, вообще, побольше молчать. Последнюю просьбу я старательно нарушаю, не в силах отказать себе в том, чтобы повыводить его из себя.

– Почему ты такой, а, Ник? Может тебя в школе били? – предполагаю я. – Поэтому у тебя комплексы?

Ник останавливается, предупредительно складывая руки на груди. Я снова отмечаю, как грациозно он закатывает глаза, пусть их почти и не видно из-под отросших смоляных волос.

– Может, вместо того чтобы молоть всякую чушь, ты наконец займешься делом? – цедит он, настойчиво подталкивая в спину. – Судя по длине списка в твоих руках, покупки

мы не завершим и к Рождеству.

– Осталось всего пять пунктов, – оптимистично отвечаю я, и когда слышу вздох облегчения, переворачиваю листок, уточняя: – На этой стороне.

Ник на этот раз терпит, но могу поклясться, когда я отворачиваюсь, бурчит себе под нос что-то не очень лестное. Возможно, своим поведением я делаю отношения между нами напряженнее, но иногда надо позволять себе хоть немного развлечься.

Я сверяюсь со списком, мысленно вычеркивая найденные позиции, и когда лабиринт полок, заполненных хозяйственными товарами, крупами и мясом остается позади, телефон в кармане начинает вибрировать. На экране высвечивается имя «Шон».

– Как дела? – его голос звучит ровно и спокойно. – Все в порядке?

– Да. Арти ждет в машине. Мы с Ником почти закончили.

– Он нормально себя ведет? – спрашивает Шон, и я улыбаюсь, потому что все заметили: начинать день с грызни стало нашей негласной традицией.

– Ник ведет себя... как Ник, – отвечаю я, наблюдая, как он подходит к полке, на которой расставлены коробки с какими-то фильтрами, присаживается на корточки, пытаюсь что-то оттуда достать. – Уж он никогда себе не изменяет.

Шон смеется.

– Будьте осторожны, ладно?

– Будем! – обещаю я. – Надеюсь, к нашему приезду в доме появится свет. Целую, – добавляю неожиданно для самой себя и, отключая вызов, отправляю телефон в задний карман брюк.

– Ви, помоги мне.

Я испускаю театральный вздох и останавливаюсь.

– Придержи сверху, чтобы не свалилось, – просит Ник.

Я опираюсь локтями на тележку ижимаю плечами, не двигаясь с места.

– Ты просто собираешься стоять и глазеть?

– Да, – отвечаю я, потирая подбородок. – Именно это я и собираюсь делать. Обойдись как-нибудь без моей помощи, тем более ты сам с утра назвал меня бесполезной.

– Я не называл тебя бесполезной. – Одной рукой придерживая пирамиду коробок, Ник тянет что-то из-под самого низа. – Я не говорил конкретно про тебя.

– Ты намекнул, а это почти то же самое, – говорю я, пытаюсь показать, что не сдвинусь с места, пока не услышу извинений. – Как и про то, что в одиночку вы бы уже пересекали границу. И про то, что британские ученые доказали, рыжие слишком болтливы.

– Хорошо, возможно, я слегка перегнул. Я раскаиваюсь.

– В таком случае, скажи, что официально просишь прощения.

Пару секунд Ник молчит – раздумывает, а потом произносит:

– Я не настолько раскисаюсь.

Ловко придерживав конструкцию из коробок рукой, встает и закидывает что-то в корзину. Я возмущенно раскрываю рот.

– Да брось, Ви, нечего строить из себя обиженную, – посмеивается Ник. – Все и так уже поняли, что ты как тот рыжий кот, что с виду милый и пушистый, а на деле стоит отвернуться, тут же прокрадется в спальню, чтобы наблехать на покрывало.

– Очень смешно, – отталкивая его, я ухожу вперед, а Ник следом забирает тележку.

– Ну вот. А потом девушки жалуются, что им не делают комплименты.

– Ах это был комплимент.

– Именно он.

– Ради всего святого, когда в следующий раз решишь такой комплимент еще кому-то сделать, вспомни, что ты в этом полная бездарность.

Его губы изгибаются в подобии улыбки, и я замечаю, что левый боковой резец искривлен, но этот недостаток даже придает его ухмылке особенность. Я провожу языком по ряду своих ровных зубов и предполагаю, что в отличие от меня, парень явно не носил брекететы в детстве.

– А, ну тогда отлично, – пожимает Ник плечами. – Мне же проще.

Мы оплачиваем покупки и следуем к выходу, петляя мимо брошенных где попало тележек. Из динамиков льется празд-

ничная музыка. Обыкновенный день из жизни обычного города. Я иду за семьей с двумя детьми, которые увлеченно обсуждают новый эпизод какого-то сериала. Ник шагает следом. И тут мое внимание привлекает постер на стене у выхода из магазина.

«Семейный пансионат «Хелдшир рокс» приглашает вас влюбиться в это Рождество!»

Плакат будто нарисован красками. На меня смотрит заснеженный домик в окружении округлых склонов, пушистых сугробов и многометровых сосен с шапками снега, словно растаявший зефир. Прекрасный вид. Даже волшебный. Хотела бы я оказаться там на праздник. Кружиться среди сверкающей мишуры и веток омелы под бесконечным конфетти из крохотных снежинок, летящих с неба, прямо как на картинке. И когда представляю, как здорово было бы провести там выходные, до меня доходит.

В самом низу черными печатными буквами написан адрес, кажущийся до невозможности знакомым: 0929 Брукфоллс стрит, Хелдшир. 0929... Это не день рождения Арта! Выбитые на кольце буквы означают название города. Это адрес!

От удивления я разеваю рот, резко останавливаюсь и замираю перед плакатом, не в силах унять поднимающиеся внутри чувства восторга и паники одновременно. Ник, не успев затормозить, врзается, ударяясь зубами о мой затылок.

– Ай... – ругается он, выплевывая изо рта мои волосы. – Что, мать твою, случилось?

– Смотри! – Я указываю рукой на строчку внизу. – Думаешь, это совпадение?

Я снимаю кольцо с пальца и в сотый раз пробегаюсь глазами по фразе «...влюбиться 0929». Всего лишь один, с крошечную песчинку, намек, но он разжигает внутри пламя любопытства до небес. К тому же обескураженное лицо Ника напоминает о еще одной маленькой победе. Я не настолько бесполезна, как он утверждал! Очевидно, что сегодняшнее сражение за мной!

– Не может быть... – удивленно говорит он, поднимая брови. – У тебя есть ручка? Надо адрес записать.

Я наклоняюсь к стойке, беру копию листовки и забрасываю в пакет в его руках.

– Вуаля! – и победно разворачиваюсь, не скрывая торжествующей улыбки, которую не сможет затмить даже мерзкий Лавантовский скепсис.

– Возможно в этом есть смысл.

– Возможно? – чуть не задыхаюсь я от порыва наподдать Нику за то, что он делает вид, будто моя находка ничего не стоит. Хватаю еще одну листовку и тычу прямо в адрес перед его лицом. – Не это ли доказательство? Неопровержимый факт, что кольца – это подсказки? Я его нашла! Я нашла решение!

И хотя его глаза все еще недоверчиво прищурены, один

уголок рта подергивается вверх. Не в силах сдержаться, я подпрыгиваю на месте, оборачиваясь вокруг собственной оси, и когда снова поднимаю на него взгляд, Ник уже открыто улыбается.

– Значит, я не настолько уж бесполезна! Признай!

Ник оглядывается, словно проверяя, не подслушивают ли нас.

– Окей, окей, – кивает он, сдаваясь.

– Скажи это теперь! Скажи вслух! – тычу я его пальцем в грудь.

Он пытается перехватить мою руку, отбиваясь от нее, как от назойливого насекомого.

– Я была права!

– Ты права, права! – Рассмеявшись, он откидывает челку со лба, но она через секунду все равно возвращается на место, прикрывая один глаз.

– Ох, ты ж, мама дорогая! – восклицаю я, изображая, как театрально обмахиваю лицо листком. – Невыносимый и невозможный собственной персоной признал поражение!

Ник открывает рот, и впервые ничего язвительного из него не вылетает. Он просто улыбается.

– Иди, давай, – легонько подталкивает меня в спину, – пока Арт нас не потерял!

И вприпрыжку, словно мне снова тринадцать, я несусь к припаркованному на стоянке автомобилю.

– Арти, ты не поверишь! – Слету запрыгиваю на переднее

сиденье, протягивая зажатую в руке рекламку. – Гляди, что я нашла, – указываю пальцем прямо на адрес.

Лицо Арта с его огромными щенячьими глазами в этот момент в пять раз выразительнее, нежели было у Ника. Его рот открывается и зависает, словно незахлопнутая дверь багажника, в который Ник грузит покупки.

– Да что б меня... – наконец, произносит Кавано. А затем начинает смеяться.

Я приподнимаюсь и обнимаю его. Парень издает писк, словно кот, которого усердно душат.

– Слушайте, это может простое совпадение, а вы радуетесь, как будто миллион выиграла. – Ник усаживается на заднее сиденье, отряхивая ботинки друг об друга. – Поехали уже.

– А могу я воспользоваться туалетом? – спрашиваю я, внезапно осознав, что вряд ли дотерплю: путь занимает больше часа. Парни решили, чем дальше от дома магазины, в которых мы будем появляться, тем безопаснее.

– Почему нельзя было сделать это, пока мы были внутри? – возмущается Ник.

– Не надо за мной идти, – я пытаюсь остановить его, хотя и так знаю: попытки отвязаться совершенно бесполезны. Ник одновременно со мной открывает дверь и выходит на улицу.

Я забегаю в дамскую комнату, стараясь управиться поскорее. В кабинке на полу разлита вода или что похуже. Двумя пальцами я закрываю за собой перегородку и мою руки,

рассматривая отражение в зеркале. Впервые за последние несколько дней мои глаза блестят. И даже веснушки не смущают своим количеством. Тем более, когда я точно уверена, что Шон от них просто без ума. Сегодня, определенно, удачный день!

Я бросаю салфетку, которой вытирала руки, в мусорную корзину и, шагнув от бедра, широко распахиваю дверь, как вдруг кто-то хватается за меня, закрывая рот. Я инстинктивно выгибаюсь, словно лопнувшая гитарная струна, стараюсь вырваться, но меня продолжают тащить в темноту служебных помещений. В голове беспорядок от роящихся вопросов, догадок и животного ужаса.

– Успокойся, это я, – тихо произносит Ник и, не отпуская, приближается губами к моему уху. Его голос превращается в тихий шепот, и дыхание, касаясь шеи, посылает колющие мурашки вниз по позвоночнику. – Прямо возле входа трое, один прочесывает зал. Я поставлю тебя на пол, и ты будешь делать так, как я говорю. Ясно?

Сглатывая не успевшие выступить слезы, киваю.

– Уходим. – Ник отпускает меня и надавливает рукой на спину, заставляя пригнуться. Выглядывает из-за угла и качает головой. Значит, в сторону торгового зала двигаться нельзя. – Через запасной выход.

И тут я, наконец, замечаю мужчину в черном костюме. Он показывает фотографии одному из работников магазина, и тот ему что-то отвечает. Но ведь агент только что подошел,

еще несколько секунд назад Ник не смог бы его увидеть, даже имея он зрение в три раза лучше.

– Ник, – тяну я.

Но Ник открывает дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен» и заталкивает меня внутрь.

– Как ты их заметил? – спрашиваю, пока мы бежим вдоль рядов склада с садовыми удобрениями и сложенными на паллетах мешками.

– Почувствовал, – произносит он.

Я открываю рот, но медлю. Это что, шутка такая? Я поворачиваюсь в его сторону, но тут же спотыкаюсь о груды сваленных на полу палаток для кемпинга.

– Стой!

Ник хватается меня за руку и тянет вниз. «Тише», – показывает он, поднося палец к губам. Не понимая, откуда ожидать опасность, я послушно жмусь к его спине. «Двое», – говорит он беззвучно и кивает на дверь. Совсем близко скрипит ботинок, эхом отдаваясь в тишине. Я задерживаю дыхание. Кто-то из преследующих нас наступает на что-то шуршащее, возможно обрывок упаковки. Я дотягиваюсь до руки Ника, моя собственная дрожит. Хватаюсь за его локоть, словно он спасательный круг. Плот в открытом море. Не переставая вглядываюсь в его лицо, и то, что вижу там, мне совершенно не нравится.

«Еще два», – показывает он, поднимая вверх пальцы и кивая в противоположную сторону. Сквозь щели в паллетах я

вижу людей в черных военных костюмах, на плече которых нанесен логотип в виде птицы. Они похожи на тренированных солдат. И пришли явно за нами.

Живот скрутило, а в голове бьется мысль: «Все кончено! Нас убьют!» Как бы Ник ни был подготовлен, вероятность, что он справится в одиночку, практически нулевая. Я замираю, стараясь не то, чтобы не шевелиться, даже не дышать. Пытаюсь осторожно разогнуть ногу, которую безжалостно сводит судорогой от сидения в неудобной позе, но Ник тут же кладет на нее руку, приказывая не шуметь. Его ладонь словно раскаленное железо.

В соседнем ряду раздаются шаги, негромким эхом отражаясь от стен. Тень одного из мужчин медленно движется в нашу сторону. Ник достает из ботинка нож. Я закрываю рот рукой, чувствуя, как нехорошо вдруг становится в животе и упираюсь дрожащими руками в холодный бетонный пол. «Дыши», – приказываю я своему телу, словно оно может забыть.

– Остальные пойдут по восточной стороне, – шепчет Ник, и я не могу понять, откуда ему это известно. – Ви, слушай внимательно. – Ник наклоняется ко мне так близко, что кажется, не говорит мне на ухо, а просто дышит, вкладывая слова прямо в разум. – Когда я скажу, ты со всех сил побежишь к служебному выходу на крышу. Не останавливайся и не оглядывайся. Поняла?

– Я не смогу... – Мое тело почти полностью парализовано

страхом, так, что я даже эти слова выдавливаю с трудом.

– Сможешь, – подталкивает он меня, насильно поднимая на ноги.

– А ты? – взволнованно произношу я лишь губами.

– Я за тобой, хорошо? Только не оглядывайся.

Ник поднимает глаза. На его лице в этот момент не шевелится ни один мускул.

– Давай, – толкает он меня в сторону, и в этот же миг из-за поворота появляется один из солдат.

Я собираю все силы и бегу. Сердце стучит так громко, что, кажется, вырвется из груди. Дернув ручку на себя, оглядываюсь. Ник приставляет к горлу агента нож, не оставляя ему шанса освободиться. На секунду наши взгляды встречаются. В его темных глазах холодный огонь. Я отворачиваюсь и бегу. Страх разрывает сердце, я понимаю, что мы все равно не сможем удрать, но надежда, отталкивая отчаянье, заставляет работать ногами быстрее.

Влетая на лестницу, перепрыгиваю через две ступеньки, спотыкаясь о какой-то хлам. Нога чиркает коленом по бетону, разрывая ткань и опаливая кожу огнем. Я со стоном зажимаюсь. Перед глазами вдруг вспыхивает свет, который тут же гаснет. А потом я вижу кровь... она на моих руках. Чувствую ее даже у себя под ногтями. Вскрикиваю, судорожно пытаюсь вытереть руки о джинсы, но внезапно понимаю, они чисты! Что со мной? Встряхнув головой, с колотящимся сердцем, бросаюсь прочь. На лестнице слышны шаги. Пожа-

луйста, пусть это будет Ник.

– Давай, давай! – Его голос придает сил.

Второй этаж, третий. Я перескакиваю через две ступеньки, и тут снова, словно волной, меня с головой накрывает еще один образ, даже более четкий, чем предыдущий: я вижу себя со стороны. Вернее, развевающиеся за спиной рыжие волосы. Мои?

– Быстрее! – Сильная рука буквально выталкивает меня на крышу.

Преодолевая пожар в легких, я скольжу ботинками по бетону и чуть не падаю на покрытый тонким слоем снега пол. Холодный воздух тут же ударяет в лицо, заставляя легкие пульсировать от боли. Слишком много кислорода. Ник захлопывает дверь и блокирует ее прутком, подобранным неподалеку.

На горизонте вырисовываются силуэты домов, за которые опускается полукруг солнца, похожий на замороженную дольку апельсина. Прямо перед нами цепочка торговых кварталов, тянущихся вперед, а за ними – крохотный городок, окруженный лесом. Там наш дом!

– Они все связаны! – кричит Ник.

То, что он объясняет дальше, чертыхаясь через каждые два слова, я не могу разобрать. «В каком смысле связаны?» – готова сорваться с языка вопрос, но Ник уже пронесется мимо.

– Туда, через это здание!

Разбегается, отталкивается и уже через секунду оказывается на треугольной крыше соседнего магазина. Легко скользит вниз по красной черепице до края кровли, зацепляется за водосток и, повиснув на руках, спрыгивает, приземляясь на ноги.

– Давай же! – оглядываясь по сторонам, кричит он мне, протягивая руки.

А я застываю на краю, словно перед пропастью. Это только со стороны здорово наблюдать, как в фильме герои перепрыгивают с крыши на крышу, цепляясь за скользкую поверхность, как кошки за ствол дерева, и одновременно отстреливаясь от полчища врагов. В реальности же я не могу даже шага ступить, чтобы перепрыгнуть небольшое расстояние, разделяющее два магазина.

Позади уже слышны глухие удары и скрежет металла, пули пытаются пробить стальные петли на дверях. Металл дрожит.

– Ви, давай, – умоляет Ник, – я тебя поймаю, обещаю!

Внезапно в висках начинает пульсировать, а кончики пальцев – болезненно колоть. Я зажмуриваюсь и потираю глаза, которые застилает белая дымка.

– Виола!

Ник кричит что-то еще, но я его уже не слышу. Даже касание ветра причиняет боль, и перед глазами вспыхивают один за другим образы.

Золотые колосья простираются до самого горизонта, колышутся штормовыми волнами, наклоняясь под порывами ветра, принесшего запах влажной земли и садовых яблок. Пахнет дождем и теплым летом. Тяжелые тучи висят так низко, что, кажется, руку протяни – и сможешь пропустить сквозь пальцы серую грозовую вату. Скоро начнется дождь. В отдалении слышен звук шагов. Пол скрипит под тяжелыми сапогами...

Кто-то передергивает затвор ружья, сердце начинает биться быстрее, когда я вижу удаляющиеся все дальше в поле спины ребят. Они убежали. Я осталась одна, совсем одна!

– Ну же, прыгай!

Темноволосый, коротко стриженный мальчишка протягивает кверху руки. Ник?

Его голубые глаза широко распахнуты, он судорожно оглядывается через плечо, переминаясь с ноги на ногу, готовясь тут же припустить, что есть сил.

– Беги, как они! Чего стоишь? – бросаю я в него слова-камни. – После того, что ты сделал, я даже видеть тебя не хочу. Мне не нужна твоя помощь!

Я стою на самом краю деревянного настила, рассохшегося и растрескавшегося от времени, не в силах пошевелиться. Слезть обратно тем же путем уже не получится, а лететь с высоты второго этажа, пусть и на кучу сена, рискуя пе-

реломать себе ноги, страшно до жути.

– Глупая девчонка, ты представляешь, что будет, если нас здесь увидят?! – шепотом кричит он, беспомощно опускает руки и начинает умолять: – Ну давай же, Ви, прыгай! Клянусь, я разрешу ударить меня снова, если тебе станет легче.

Я упрямо стою, не в силах признать, что чего-то боюсь, хотя внутри в этот момент просто разрываюсь от страха. Ник нервничает, поглядывая в широкую дыру в стене амбара. Звук шагов становится четче.

– Я обещаю, что смогу тебя поймать!

Небо рассекает серебристая вспышка молнии, словно делая надрез в тяжелой бархатной завесе. Я собираюсь с силами, отталкиваюсь и лечу.

– Виола! Посмотри на меня!

Сознание возвращается, и я, чуть пошатываясь, гляжу в те же самые глаза. Лицо Ника совсем бледное. Пытаюсь отключить разум, пока он не остановил мои безумные действия, глотаю холодный воздух и прыгаю. Дверь позади распаивается с громким хлопком. Всего секунда полета, и волна боли обжигает правую лодыжку, в которую, подобно острому жалю, что-то впивается. Приземляюсь я неудачно, нога моментально немеет, при ударе подворачиваясь, я раздираю ладони о красную черепицу, уже разбитую ботинками Ника, и скольжу к самому краю. Царапая пальцы об острые обломки,

я пытаюсь зацепиться за водосток, но руки соскальзывают, и я лечу вниз. Зажмурив глаза, готовлюсь к удару с землей, но Ник успевает меня поймать. Дрожащими руками я обхватываю его шею, закрываю глаза и прижимаюсь к кожаной куртке. Все мое тело трясется, словно оторванный от ветки лист. Кажется, что не проходит и пары секунд, как визжат тормоза, и к нам подлетает черный автомобиль.

Артур. Милый Артур...

Ник падает на пассажирское сиденье, не выпуская меня из рук, захлопывает дверь, и джип срывается с места. Глаза слипаются, а по телу разливается приятное успокаивающее тепло. Я изо всех сил пытаюсь распахнуть веки, но к ним словно привязаны тяжелые камни. Боль и страх уплывают, и я вместе с ними покачиваюсь на волнах.

Я дышу все медленнее и, кажется, улыбаюсь. Руки Ника такие теплые. Вдохнув поглубже, я утыкаюсь носом в ворот его кофты, от которой пахнет чем-то мужским и обволакивающе приятным, да и он сам уже кажется не столь раздражающим. Хочется спать, спать, спать...

Я провожу рукой по его шее, ощущая холод серебристой цепочки, и вдруг замечаю, что рядом с именованным жетоном висит второй. Они идеально соединяются, словно братья-близнецы, накладываясь друг на друга. Я касаюсь пальцами выбитых на металле букв. «Тайлер Ламм»

Имя кажется знакомым, из него словно льется свет. Оно обволакивает меня, вздымается в груди волной, растека-

ьясь внутри растопленным пузырящимся сиропом. Тайлер... Тай...

Веки тяжелеют. Совершенно невозможно держать глаза открытыми. Тепло, покалывая, разносится по всему телу, и боль в лодыжке стихает. Я слышу, как дождь начинает барабанить по крыше внедорожника, отстукивая размеренную мелодию. Как и тогда...

– Я найду тебя, ты слышишь? Обещаю! – Ладонь загорелого русоволосого мальчишки касается холодного стекла машины, и я повторяю жест с другой стороны. От взгляда его янтарных глаз перехватывает дыхание, словно он заглядывает прямо в душу.

– Я буду скучать, Тай!

Но мальчик не отвечает, потому что автомобиль увозит меня все дальше. Дальше от него...

– Ви, не спи! Ви! – трясет меня Ник, пытаюсь привести в сознание.

Но я не хочу возвращаться. Сквозь наркотическую дымку прижимаюсь щекой к его кожаной куртке и шепчу:

– Как же, твою мать, ты вкусно пахнешь, Ник.

Я вижу огни... пролетающие золотые цепочки, которые закручиваются в длинные блестящие гирлянды. Они движутся. Они парят, сливаясь в хороводы соцветий. Взрываются, словно фейерверки, оставляя за собой клубы розового

дыма... А затем проваливаюсь в пустоту.

Осколок 7. Библиотека

– Тише, не шевелись, – раздается голос сверху.

В голове, как кабинки в карусели, всплывают образы, выстраиваясь друг за другом в ряд: радость от найденной подсказки, нож у Ника в руках, кровавые пятна на моих, а потом укрытая снегом крыша и Тайлер...

Я пытаюсь произнести его имя. В памяти все еще зияет огромная дыра, но я точно знала этого парня. Вот только что нас связывало? Я пытаюсь проморгаться, и когда изображение фокусируется, понимаю, что все еще нахожусь в машине. Но судя по обивке, она не наша. И лежу я в странной позе.

Я вскрикиваю, внутри поднимается паника, сворачиваясь тугим комком. Пытаюсь встать, отталкиваясь от дверцы, но ногу тут же простреливает вспышка боли.

– Все нормально, это я, – Ник наклоняется ниже, чтобы я могла его разглядеть. – Пришлось сменить машину и сделать крюк через соседний город, чтобы избежать хвоста.

Теперь я понимаю, что его острые колени впиваются в мои лопатки.

– Сколько я была без сознания? – хриплю я. Голова кружится, словно в нее набили мокрой ваты.

– Часов пять, примерно. В тебя попали дротиком с транквилизатором, поэтому ты быстро отключилась.

Устраиваясь поудобнее, я вытягиваю ноющую ногу так,

чтобы ничего не касаться, но в тесном салоне это сделать невозможно.

– Не трогай! – командует Ник.

В его голосе слышится укор. Я пытаюсь подняться, но Ник сильнее прижимает меня рукой и приходится окончательно смириться с обстоятельством, что остаток пути я проведу лежа у него на коленях.

– Что случилось много лет назад, на поле? – спрашиваю я тихо. Язык не слушается, слова выходят шепеляво, даже немного с присвистыванием. – Почему я так на тебя злилась?

Ник молчит.

– Ты же помнишь детство, значит должен помнить тот день?

– Я не все помню, – отвечает он уклончиво.

Не верю.

– А то, что произошло в магазине? Не хочешь объяснить?

– Когда все соберутся.

В этом весь Ник. О чем бы я не спрашивала, все равно останусь не услышанной. Понимая, что не смогу ничего не добиться, я закрываю глаза.

Я просыпаюсь под завывания ветра. Вокруг темно и холодно так, что зуб на зуб не попадает. Вылезать из теплой постели не хочется. Стараясь продлить момент пробуждения подольше, я кутаюсь в мягкое одеяло, натягивая его до само-

го носа, но, едва повернувшись на бок, задеваю поврежденную лодыжку. Внизу раздаются звуки ругани.

Опираясь руками на матрас, я аккуратно поднимаюсь, стараясь не наступать на ногу. Утренний холод непротопленно-го дома быстро приводит в чувства. Тихо закрыв за собой дверь, выхожу на лестницу. Стертые рукой с перил пылинки поднимаются вверх и кружатся в воздухе. «Неплохо было бы тут убраться», – мелькает где-то на уровне подсознания, пока я тихо крадусь по ступенькам на первый этаж.

– Что ты несешь? – огрызается Шон, судя по звуку, меряя тяжелыми шагами комнату.

– Арт, объясни ему, ты же видел сам, да? Ты ведь приехал, потому что тоже видел «это»? – пытается объяснить Ник.

Я застываю на середине лестницы, на достаточном расстоянии, чтобы видеть и слышать парней.

– На самом деле я просто заметил чуваков в черном, которые вошли в здание следом за вами, а потом твой силуэт, прыгающий с крыши на крышу, – доносится голос Кавано. – И сложить одно с другим не составило труда.

– Ты должен был почувствовать!

– Послушай, Николас, просто признай, что провалился. Хватит городить этот бред про телепатию и прочее.

– Да пошел ты, я узнаю у девчонки сам.

Ник пытается обойти Шона, но тот преграждает путь, упираясь рукой в его грудь.

– Из-за тебя она пострадала.

– Думаешь, не случайно? – с презрительным взглядом бросает вызов Ник.

Шон поджигает губы, не двигаясь с места. А потом произносит сквозь зубы:

– Если бы не ты...

И я понимаю, что нужно вмешаться.

– ...они бы меня забрали.

Все трое одновременно поворачиваются на звук моего голоса. В комнате становится тихо. Я ковыляю в гостиную. Шон уничтожает Ника взглядом.

– Зачем ты встала? – требовательно спрашивает он.

Я аккуратно переступаю через порог и, опираясь рукой на спинку дивана, перевожу взгляд с одного парня на другого.

– У меня повреждена лодыжка, Шон, но это не означает, что я и разумом повредила. О чем вы говорили?

Ник подходит ближе и, указывая пальцем мне на грудь, произносит:

– Ты почувствовала вспышку здесь, верно? А потом ощущения обрели образ.

– Убери от нее руки!

Взгляд Шона сулит Нику если не смерть, то хотя бы хорошую взбучку.

– Дотронешься до нее еще хоть раз, я надеру тебе задницу.

Ник испускает короткий смешок:

– Валяй.

Внутри поднимается паника, когда парни целенаправлен-

но шагают навстречу друг другу.

– Прекратите! – прошу я, но никто меня не слушает.

– Отвали, Рид, – отталкивает его от себя Ник.

У Шона на щеках играют желваки, а в глазах огнем вспыхивает ярость. Артур рядом напрягается. Внезапно Ник замирает, уставившись немигающим взглядом прямо перед собой. Словно кто-то выключил всю агрессию.

– Адреналин... – практически беззвучно произносит он. – Точно, как же я сразу не догадался?

– Да что ты, мать твою, несешь?

Дальше все происходит настолько быстро, что я успеваю только вскрикнуть и отпрыгнуть назад, потому что Ник со всей силы бьет Шона в челюсть. Ох, нет! Только драки по моей вине не хватало! Шон ударяет в ответ, но Ник успевает пригнуться. Артур кидается их разнимать, а потом все трое внезапно застывают. Ярость на лице Рида гаснет так быстро, словно на горящий костер опрокинули ведро воды.

– Что за?.. – отступает Арт, хватаясь за голову.

В приглушенном свете его распахнутые глаза кажутся ошеломленными и растерянными, словно что-то до смерти его напугало.

– В чем дело? – испуганно спрашиваю я.

Парни переглядываются, сохраняя молчание, но ясно: что-то не в порядке. Тишина сгущается, как воздух перед ударом грома.

– Я вижу... я вижу комнату будто с разных сторон. –

Взгляд Артура поочередно перескакивает с Шона на Ника. – Могу видеть то... что видят они.

– Я же говорил, – это уже Ник.

Три пары глаз устремляются на меня. Я открываю и закрываю рот.

– А я ничего подобного не чувствую.

Мотая головой из стороны в сторону, я обнимаю себя руками, чтобы успокоить, потому что не знаю, хороший ли это или плохой знак.

Арт шокировано делает пару шагов назад. Смотрит вниз на свои ладони, нервно перебирая пальцами, и я вспоминаю кровавые следы у себя под ногтями. В магазине со мной случилось то же самое? Нет, не может быть. Ужас впивается в тело, когда я вспоминаю вчерашний побег, растерянно пытаюсь собрать кусочки в единое целое.

– Это бессмыслица. – Арт запускает пальцы в собственные волосы, приводя их в полнейший беспорядок.

Я киваю. Шон ошарашенно молчит. Ник некоторое время смотрит на меня, его пристальный взгляд становится более решительным, более твердым.

– Это оружие, – произносит он, и все одновременно поворачиваются в его сторону. – Своего рода передача данных. Что бы один из нас не увидел, он распространяет это на всех остальных.

– Идеально созданный боевой отряд, – подхватывает мысль Шон. – Это и есть то, о чем ты говорил? – обращается

он к Нику.

Тот кивает. Я стараюсь не двигаться и даже не дышать, пытаюсь успокоить колотящееся сердце, потому что это уже слишком. Слишком много всего, чтобы понять и осознать. Судя по выражению лиц парней, они думают о том же: что за чертовщина происходит? Только Ник сохраняет спокойствие.

– Извини за то, что вмазал, – говорит он, обращаясь к Шону и прикладывая кулак к своей челюсти.

– Забыли!

Арт плюхается на диван, мотая головой и пытаюсь стряхнуть с себя образы, как собаки стряхивают блох.

– А что делать с тем пансионатом с плаката? – Он достает из кармана сложенную вчетверо листовку и бросает на стол. – Я проверил по карте, до него всего два часа пути.

Ник, полностью погруженный в собственные мысли, пропускает его вопрос мимо ушей.

– Я думаю, стоит проверить, – отвечает за всех Шон.

– Согласна, – бормочу я.

В конце концов, это разгадка сейчас важнее, а что происходит с парнями, сможем выяснить по дороге.

– Тогда стоит запастись бутербродами. – Арт подскакивает с места и исчезает в кухне. – Ви, идем, поможешь мне, – кричит он, и я послушно хромаю следом.

– Вы не помните меня? Мы с моим другом останавлива-

лись здесь некоторое время назад.

Шон поддерживает меня рукой за плечи, вымученно улыбаясь. Ложь – не его сильная сторона. Пока это единственное, что мы выяснили.

Владелец дома отдыха, который таковым можно назвать с очень большой натяжкой, совершенно безобидного вида старичок с аккуратно зачесанными назад тонкими седыми волосами, в третий раз качает головой.

– Ну может, кто-то из нас приезжал в одиночку?

– Нет. – Шаркая тяжелыми ботинками, он медленно шагает к некоему подобию бара, сооруженному здесь же, подхватывает грязное серое полотенце и принимается натирать стакан.

Я запикиваю листовку с рекламой пансионата поглубже в карман, пытаюсь придумать, что еще спросить. Место это, должна признаться, совсем не напоминает заявленный курорт, хотя, может, оно и было таковым лет эдак двадцать назад, но сейчас больше походит на старый покосившийся сарай.

Шон делает шаг вперед, протягивая хозяину несколько купюр. Ему приходится наклониться, чтобы не задеть макушкой деревянную балку на потолке.

– Ладно, можно нам тогда два номера на ночь? – Он кладет еще двадцатку сверху. – И мы забыли документы дома. Этого хватит, чтобы вы закрыли глаза на столь досадное обстоятельство?

– Разумеется, ребятки, – гремя ключами, хозяин также медленно плетется обратно. – Можешь забрать лишние деньги. Я стар, но еще не настолько мелочен.

Повернувшись в мою сторону, он подмигивает. Выходит кривовато. Вспоминая, что нас ищут, я натягиваю капюшон пониже. Хотя, судя по тому, что ни на одном телеканале ничего не говорилось, вряд ли кто-то делает это открыто.

Парни возле входа дурачатся. Арт обнимает Ника одной рукой, тот же отбивается, стараясь скинуть его цепкие пальцы со своих плеч, и я понимаю, что впервые слышу, как Ник смеется. В отличие от Артура, чей раскатистый и задорный хохот слышно на всю округу, его смешки больше похожи на скрипящий собачий лай.

– Держите, ребятки. – Старик протягивает ключи, и следом за Шоном я поднимаюсь по деревянной лестнице наверх.

Номер – если каморку, гордо носящую это имя, можно назвать таковым – совсем крошечный. Закинув вещи в комнату, я иду в ванную, умываю лицо и заплетаю косичку. Шон ждет меня, опираясь плечом на дверную раму и сложив руки на груди. На нем черные штаны и зеленая фланелевая рубашка, которую он нашел в шкафу летнего домика. Его хозяин, очевидно, является поклонником стиля кантри, потому что точно в такой же, клетчатой, только красной, я с утра видела Арта.

Я смотрю в зеркало, встречаясь с Шоном взглядами в от-

ражении. Улыбаясь, рассматриваю мириады веснушек, раскиданных по лицу, и, проводя по щекам пальцами, жалуясь:

– Почему мне так не повезло? Все люди, как люди, а я – рыжая?

На самом деле я их люблю, эти дурацкие веснушки. Наверное, потому что они делают меня мной. Пусть я не такая привлекательная, как девушки с обложек журналов, но я выделяюсь. И, признаться, мне это нравится.

– Отбели их, – безразличным тоном произносит Шон.

– Что?

Всего одна фраза, но она выжигает изнутри слова, которые я все это время считала «только нашими».

«Я так соскучился, что мечтаю поцеловать каждую твою веснушку...»

Внутри все сжимается от обиды.

– Ты же сама сказала, они тебе мешают. Сейчас наверняка существует масса всяких женских «штук», чтобы от них избавиться, – словно почувствовав свою оплошность, исправляется Шон.

Но ему не нужно оправдываться. Одно дело, пара крапинок на носу – привет от весеннего солнца, совсем другое, когда ты покрыта ими как пятнами, делающими кожу похожей на мрамор.

Шон встает рядом, поймав в зеркале мой взгляд. Скользит им по мне, его глаза улыбаются. А я чувствую разочарование.

– Как твоя нога?

Простой вопрос. Проявление заботы.

Опускаю взгляд на лодыжку и пожимаю плечами.

– Я волновался. Когда Ник принес тебя без сознания, я готов был его убить. Ничего не мог с собой поделать.

Я медленно поворачиваюсь, и мы оказываемся лицом к лицу. Совсем близко. На его щеке красуется синяк от утренней перепалки, но это его, кажется, мало волнует.

– Рад, что ты сейчас в порядке.

– Да, все отлично, – произношу я голосом, который свидетельствует об обратном.

Но Шон не замечает. Он обнимает меня. Я тянусь и целую его, а он целует в ответ. Страстно. Но что-то не так. Что-то всегда не так. Я не чувствую его. Губы – это просто губы. И ничего больше. Я пытаюсь вложить в этот поцелуй слово «счастье», даже не знаю, получается ли. Все, что ощущаю – отчаянье. И зависть. Я, наверное, первая девушка, которая завидует сама себе, потому что понимаю: Шон не тот парень, который был со мной во сне. Рид – не он. И никогда им не будет. Хочется разрыдаться, поэтому я прижимаюсь сильнее, целую глубже. Провожу ладонями по плечам, и обнимаю за шею. Сквозь поцелуй Шон улыбается.

– Ви... Ви... Нам пора, – останавливает он меня.

Мне кажется, я его выбрала, потому что Шон – самый правильный вариант. А еще осозанный. «Надежный». Разве не это важно? – пытаюсь убедить я сама себя, но почему-то не верю...

Мы с Артом сидим на крыльце и жуем один на двоих злаковый батончик. Я изучаю справочник достопримечательностей. Соборы, старинный замок на окраине, библиотека, рыбный рынок, какое-то странное дерево неподалеку от кладбища – ничего из перечисленного не наталкивает на какие-то подсказки, что мы должны здесь найти.

Поднимаю взгляд, когда на улицу выезжает старый автомобиль цвета раздавленной вишни и останавливается напротив. Я прищуриваюсь. Шон сидит на переднем сидении, Ник за рулем.

– Вы едете или нет? – выглядывает он из окна.

– Что за хлам, старик? – скривив рот и окинув взглядом машину, произносит Артур.

– Зато не ворованный, – шепотом отвечает Ник. – Подними свой зад и залезай внутрь!

– Откуда? – плюхаясь на заднее сидение, спрашивает Арт.

Из-под обивки тут же поднимаются клубы пыли. Для убедительности он еще пару раз хлопает по сиденью ладонью.

– Ради всего святого, прекрати, – ругаю я его.

– Хозяин гостиницы одолжил, – поворачивая на центральную улицу, отвечает Ник. – Премилый старичок. Зовут Айк. Мне показалось правильным, если мы не будем светиться здесь краденными машинами.

– Логично, – соглашаются все.

Ник паркуется неподалеку от центральной площади. Я вы-

хожу из машины и тут же переплетаю наши с Шоном пальцы.

– Куда отправимся сперва?

– Думаю, стоит начать с рынка. Вдруг кто-то из нас вспомнит, – отвечает он и, высвобождая свою руку, уходит. – Мне надо с Ником кое-что обсудить. Побудь пока с Артуром.

– Конечно.

Я послушно киваю и едва не вляпываюсь ботинком в липкую жижу, растекшуюся по серым камням мостовой.

– Осторожно, – придерживает меня за локоть Арт, не давая споткнуться о рассыпанный на тротуаре мусор из перевернутого контейнера.

– Боже, ну и грязь, – обхожу я смердящие отходы, удивляясь, почему их до сих пор не убрали. Центральная улица же.

Арт театрально морщит нос и хмурится, передразнивая меня, дескать «фу, какая гадость», и я, вымученно улыбнувшись в ответ, подхватываю его под локоть. Шон с Ником идут на небольшом расстоянии позади, тихо беседуя.

– Что за повод для грусти? – спрашивает Артур.

Я собираюсь это отрицать, но вижу, Арт тоже почувствовал сгустившееся между мной и Шоном напряжение, и на языке у него уже вертится что-то забавное, поэтому выдыхаю и говорю:

– Как-то все не так...

– Если у тебя плохой день – не отчаивайся! Возможно, у кого-то он еще хуже.

– Звучит ободряюще.

– Обращайся, – он подмигивает и протягивает леденец, ловко выудив его из собственного рукава.

Я улыбаюсь. «Спроси его, – настаивает в голове голос. – Спроси, пока есть возможность поговорить наедине». Вот только с чего начать?

– Арти, а ты помнишь что-нибудь про парня по имени Тайлер?

– Нет, а должен? – засовывая конфету в рот, спрашивает Арт. – Кто это, вообще?

Я рисую перед собой его лицо. Есть в нем что-то такое... притягательное. Но все, что о нем помню, лишь обещание: в один прекрасный день он меня найдет. Вслух же говорю:

– Четвертый мальчик с фотографии.

– Не припоминаю.

– Жаль.

Мы медленно шагаем по тротуару. Выпавший недавно снег растаял, превратившись в грязные лужицы. Я осматриваю городок, судя по брошюре в руках, знаменитый «своей нетронутой временем красотой и славной историей». Но царящее запустение свидетельствует, что туристы бывают здесь нечасто. Хотя полюбоваться есть чем.

Мощные улочки, старомодно украшенные площади на радость любителям деревенского средневекового стиля. Здания в большинстве своем сохранились в первозданном виде, словно вынырнули из сказок: высокие фронтоны, огромные каминные трубы рядом со входом, арочные двери и крохот-

ные слуховые окошки. Разве это место не создано для того, что сочинить здесь пару-тройку историй?

Я в восхищении перевожу взгляд от одного дома к другому, пока не замечаю библиотеку. Деревянный фасад с полукруглыми эркерами совершенно не попортил ни дождь, ни время. В голове мелькает мысль, что если я и была здесь когда-то, то точно не прошла бы мимо.

– Давайте зайдем туда, – указываю я парням и, не дожидаясь их одобрения, шагаю внутрь.

Большое по местным меркам помещение, залитое светом из окон, встречает запахом сухой древесины, краски и пыльных страниц, а еще кожаных переплетов и корицы. Все внутри сделано из дерева – от массивных балок, поддерживающих своды крыши, до мельчайших деталей вроде стремянок или подставок под книги. В центре стоят столы, а по левую и правую стороны высятся стеллажи с книгами.

– Ух ты, гляди-ка! Здесь есть пазл, который «может собирать любой желающий».

Именно так гласит небольшая табличка, и Артур немедленно находит себе занятие.

Я даже не знаю, нужен ли читательский билет, чтобы находиться тут, потому что библиотекаря не видно. Медленно обхожу за рядом ряд, касаясь кончиками пальцев твердых переплетов, как будто они смогут наполнить внутренней силой, восстановят недостающие фрагменты.

Поочередно достаю заинтересовавшие меня книги и вды-

хаю их аромат, надеясь на подсознательную память. Некоторые горчат, как полевая полынь, от других веет степными травами, а третьи источают легкий запах пыли и табака. Но ничего не будоражит воспоминания.

– Что-то нашел?

Устроившись у окна, где побольше света, Шон изучает карту города. Не уверена, что именно на ней он пытается отыскать, но выглядит весьма серьезным.

– Пока нет, но сориентироваться на местности не будет лишним. Что у тебя?

– Ничего, – честно отвечаю я. – Наверное, займусь достопримечательностями, может, среди них что-то натолкнет на мысли.

– Хорошо, Ник набрал у входа брошюры, можешь присоединиться к нему.

Я киваю и заворачиваю за высокий стеллаж. Ника нахожу за одним из столов, большая часть которого завалена путеводителями, картами и рекламой.

– Не понимаю, что мы здесь ищем? – откладывая очередной буклет, возмущается он. – Почему именно библиотека?

– Это было мое предложение – искать здесь, – присаживаясь напротив, я придвигаю к себе стопку путеводителей. – Я люблю книги. Наверное, даже больше, чем людей, поэтому подумала, что если бы была в этом городе, не смогла бы пройти мимо.

– И чем тебе люди не угодили?

– Они разочаровывают, – пожимаю я плечами.

– А книжки, по-твоему, нет? – смеивается Ник. – Куда занятнее читать не их, а людей, не считаешь?

– Может быть.

Я давно хотела с Ником поговорить, и, кажется, лучшего шанса не представится. Оглянувшись через плечо, чтобы убедиться, что Шон нас не слушает, признаюсь:

– Я кое-что вспомнила.

– И что же? – не поднимая глаз, Ник принимается собирать разбросанные брошюры в стопку.

– Я помню Тайлера. В моем воспоминании ему лет двенадцать-тринадцать, и мне кажется, мы были близки.

Ник молчит, а я ожидаю ответа, уставившись на бумажную листовку, рекламирующую это место почему-то на французском языке.

– Интересно, изменился ли он? Смогла бы я его узнать, если бы вдруг увидела?

Ник молчит.

– Думаю, что смогла. Он был красив.

– Любить человека за внешность все равно, что книгу за переплет, – вдруг отвечает Ник совершенно невпопад.

– В каком смысле?

– Это написано на листке, что ты держишь в руках, – отвечает Ник и добавляет: – Ну, и? Дай угадаю. Ты пришла, чтобы узнать, что я помню про этого парня?

Не хочу радовать его согласием. Но к счастью, Ник начи-

нает говорить сам.

– Я помню, как он частенько рассказывал о тебе.

Он запускает пальцы в волосы, словно пытаюсь отыскать ответы где-то в глубинах памяти.

– Да, определенно. Он очень много говорил о тебе.

– Ты правда это помнишь? А что именно? Что он говорил?

Мне кажется, я даже дышать перестаю, потому что его слова сходятся с осколками моих воспоминаний. Хотя, может быть, я слишком много фантазирую.

– Что такой девушки не встречал ни разу в жизни.

Сердце подпрыгивает, воспарив. Ник едва сдерживается от смеха:

– Боже, какая ты наивная!

Я выдыхаю и отворачиваюсь, стараясь сдержать гнев.

– Придурок!

– Я бы извинился, но это не в моем стиле, – посмеивается он, игнорируя мои обиды. Откидывается назад и вытягивает руку, положив на спинку свободного кресла. – Просто ты с таким воодушевлением о нем говорила, что я не смог удержаться.

– Когда-нибудь я выведу тебя на чистую воду, Ник, – даю обещание.

– Желаю удачи.

– Ты лжец...

Ник театрально морщится.

– И манипулятор...

– Просто люблю людей больше, чем ты книги.

– И помнишь ты гораздо больше, чем рассказал остальным.

Ник качает головой.

– Я не помню Тайлера, Ви, – говорит он. – Скажи, зачем ты его ищешь? Тебе Шона мало? Ты обручена, или мне показалось?

– Тебе не понять.

Настает его черед победно улыбаться.

– Куда уж мне.

Он встает и исчезает за одним из стеллажей. Я иду следом.

– У тебя его жетон, почему?

Ник продолжает меня игнорировать, и я хочу начать ругаться, но вижу, как он останавливается напротив одной из рекламных досок. На таких обычно пишут, какие товары продаются со скидками, но в эту как будто что-то врезалось. Или кто-то. Словно здесь была драка.

Ник замирает, касаясь пальцами вмятины. Я замечаю, как крохотные остатки его безразличия растворяются, уступая место недоумению, а затем его лицо снова превращается в каменную маску. Вокруг какая-то странная атмосфера. И я, наконец, понимаю, что ее породило. Он что-то вспомнил.

Шагнув навстречу, легонько встряхиваю за локоть:

– Воспоминание?

– Нет. Ничего. Я на улице, если понадобится, – роняет Ник и сбегает, прежде чем я успеваю спросить что-нибудь

еще.

А я лишь смотрю ему вслед.

Я выхожу из машины, закрываю дверь. Ник вылезает следом. После случая в библиотеке он странно притих. Никаких возражений, никакого сарказма и склок. И это настораживает.

Мы не нашли ничего на центральной площади, на вокзале, на кладбище (Арт особо настаивал, ведь «именно там в кино прячутся все секреты»). К вечеру моя нога разнылась так, что пройти еще хоть сколько-нибудь я уже была не в состоянии. Шон с Артом решили еще проверить церковь, аргументируя тем, что кольца могут быть связаны с брачной церемонией, а меня высадили у гостиницы. С Ником, естественно.

Разложившись за свободным столом, я в сотый раз за день беру в руки справочник мест, рекомендованных к посещению в Хелдшире, снова и снова пролистывая его от конца к началу. Не знаю, что еще я хочу там найти. А ведь идея, что надпись на кольцах указывала на это место, выглядела такой правдоподобной.

Ник сидит за барной стойкой, вертя в руках бокал с какой-то наливкой, и периодически кивает, когда пожилой хозяин гостиницы, кажется, в третий раз, рассказывает ему о том, как все здесь было устроено в шестидесятых. Верхний свет выключен, так что помещение освещает лишь теплое

сияние огня в камине и мерцающие гирлянды. В тусклом свете бар напоминает старинные таверны, которые были тут лет сто назад, разве что без гирлянд.

– Присоединяйся, – предлагает Ник, поднимая бокал.

Вообще-то я предупредила его не пить сомнительного вида и состава алкогольные напитки, но он решил, что раз угощают, то отказываться нельзя. А может, просто хочет надраться. Я несколько раз пыталась вытянуть из него подробности его внезапного побега, но он меня проигнорировал.

– Может, лучше присоединишься к поискам? – предлагаю я, помахав журналом.

– Внутреннее чутье мне подсказывает, что все это бесполезно, ничего здесь нет. Просто поверь мне.

Я хмыкаю:

– Я бы не доверила тебе даже чистку собственных ботинок.

– Налейте ей выпить! – просит Ник.

Старик ставит на стойку еще один стакан и так по-доброму улыбается, приглашая меня рукой, что стыдно ему отказывать. Собрав журналы в стопку, я отодвигаю деревянный барный стул, по каким-то фантастическим причинам еще не разошедшийся от времени, и сажусь.

– Только один стаканчик, и то исключительно из благодарности за вашу доброту, – говорю я, улыбнувшись. – А потом я вернусь к поискам.

Вкус напитка приятный и пряный, а эффект почти неза-

метный. Тепло медленно проникает внутрь, и тело так чудесно расслабляется. Один стаканчик вскоре превращается в два, и я уже теряю счет времени, медленно потягивая домашнюю наливку под бесконечные истории хозяина дома.

Протирая тряпкой стаканы, он рассказывает о жене, что ушла на тот свет пять лет назад, о двух старших братьях, с которыми рыбачил в детстве. О том, как по семейной традиции сделал предложение супруге под старым буком, в который ударила молния, и теперь тот стал одной из особенностей городка. И много еще о чем.

Я киваю, подперев ладонью щеку. Алкоголь уже добрался до кончиков пальцев, и это приятно. После всего, что произошло за последние несколько дней, мне хочется забыться хотя бы на пару часов, чтобы не думать о том, что жизнь моя, по сути, пошла под откос.

– И вот, стоя на одном колене, я протягиваю ей кольцо, когда в дерево попадает молния.

Ник зевает. Кажется, эту историю мы уже слышали минут пятнадцать назад. Словно заезженная пластинка, хозяин гостиницы слово в слово повторяет рассказ, вместе с нами опрокидывая стопку. Я закрываю рот рукой, сдерживая смех, Ник поворачивается и криво улыбается, тоже сообразив, что старика «заело».

– И дерево начинает гореть. Моя Мадлена как закричит! Какое уж там предложение. Так оно до сих пор и стоит, половина продолжает себе расти, а вторая – выгорела, пугая по

ночам прохожих голыми ветками.

Стоп! Почему это кажется таким знакомым?

– Не могли бы вы повторить? – прошу я, и Ник хмыкает, решив, что я иронизирую.

– Говорю, что вторая половина так с того дня и не цвела.

Выгорела вся. Почти до основания.

Не может быть!

– Ник, на пару слов, – встаю я и кивком показываю идти за мной.

Он неохотно поднимается и также неохотно плетется следом.

– Что-то случилось?

И когда останавливаюсь у туалета, в нерешительности застывает.

– Что, и тут без меня не справишься?

– Давай, залезай, дурень! – Я тяну его за локоть в крохотную уборную и, с трудом развернувшись, закрываю дверь.

– Что ты творишь? – опираясь бедром на каменную столешницу, недовольно вскидывается Ник.

– Раздевайся! – командую я.

В кои-то веки он замолкает, так и застыв с приоткрытым ртом. Мне до ужаса не охота начинать препираться снова, поэтому я сама стягиваю с него свитер.

– Воу, воу, воу, – удивленно воскликнув, он выставляет руки вперед. – Я немного не так это себе представлял. Я, конечно, могу сыграть роль «плохого парня», но давай хотя

бы наверх поднимемся.

– Закрой уже рот и дай посмотрю.

Закатив глаза, я разворачиваю его лицом к зеркалу, отчего парень даже слегка теряет равновесие.

– Ох, помедленнее, принцесса.

В отражении я вижу, как удивленно поднимаются его брови.

– Я, конечно, догадывался, что ты не просто так ко мне цепляешься, но чтоб так...

– Поверь, ты не можешь казаться мне более гадким, чем сейчас.

Я ахаю, касаясь пальцами черных линий татуировки на его спине. Все сходится. Голые засохшие прутья занимают всю правую сторону. На левой же ветви с тонкими листьями. Мышцы напрягаются под моими ладонями. Может, мне кажется, но как-то Ник слишком шумно выдыхает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.